

АЛКОКЛИНИК

правда и только правда

от основателя
известной
наркологической
клиники

Владимир Захаров

Аудиоспектакль
по мотивам
книги:

Владимир Захаров

АЛКОКЛИНИК

правда и только правда

**от основателя
известной
наркологической
клиники**

2023

УДК 615.015.6
ББК 56.145.11, 56.145.12
3382

16+

Захаров В.

Алкоклиник: правда и только правда. — М: Издательство «Давыдов Илья Георгиевич», 2023. — 136 с.

ISBN 978-5-60511111-0-8

Книга посвящена актуальным проблемам алкоголизма и наркомании. В художественной форме автор рассуждает об истинных причинах зависимости, повествует о путях ее преодоления. Издание может быть рекомендовано широкому кругу читателей. © В. Захаров

УДК 615.015.6
ББК 56.145.11, 56.145.12

© Владимир Захаров, 2023

ISBN 978-5-60511111-0-8

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
История первая Алкоклиник везет меня в деревню	11
История вторая Алкоклиник читает лекцию о вреде алкоголя	20
История третья Алкоклиник рассуждает о священной эйфории ...	36
История четвертая Алкоклиник спешит на помощь	49
История пятая Мы снова встречаемся с Алкоклинником	55
История шестая Алкоклиник и профессор	65
История седьмая Алкоклиник спорит с коллегами	75
История восьмая Алкоклиник знакомит меня с коллективом	87

История девятая	
Ксенон. Пике	95
История десятая	
Феникс	109
История одиннадцатая	
Деньги и счастье	121
Вместо заключения	131

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Низкий поклон моим учителям, им я обязан без меры. Сердечная признательность моим соратникам, без которых не случилось бы дела всей моей жизни. Не держу зла на врагов, ибо без них я не был бы тем, кто я есть.

Автор

Дорогой читатель! Эта книга о моем старом друге. Хотя этот совершенно реальный человек имел имя, отчество и фамилию, пускай они останутся в моей памяти. Мы звали его Алкокlinik, а чаще — Доктор Ака. Почти как на языке Омара Хайяма. Прозвище это прилепилось к нему четверть века назад в медицинском институте. Про нашего друга говорят как о неординарной личности, как о человеке-парадоксе. В нем уживаются цепкий ум прирожденного исследователя, хладнокровие опытнейшего хирурга и детская непосредственность художника. Как он умеет совмещать эти качества, я не понимаю до сих пор.

Когда мне пришло время встать во главе собственного бизнеса, памятуя о лодке, которая поплы-

вет так, как ее нарекут, ни минуты не сомневаясь, я назвал свою компанию «Алкоклиник». Этот талисман хранит мое детище до сих пор.

Я часто скучаю по своему товарищу, и мне не стыдно это признать. Где ты, дорогой Ака? Мне тебя не хватает.

Алкоклиник родился в одна тысяча девятьсот семьдесят... Впрочем, зачем эта точность? Скажу лишь, что мы были почти ровесниками. Доктор Ака появился на свет в столице нашей Родины, в семье потомственных врачей. С детства он был окружен медициной. Она пронизывала разговоры родителей и заполняла книжные полки домашних шкафов. Свои первые детские воспоминания Ака связывал с длинными коридорами стационара, куда часто его забирали родители после детского сада. Он помнил, как прогуливался по этим больничным проспектам, по тускло блестящим полам из полированного бетона. Ему запомнился необыкновенный запах озона, сочившийся из помещений, заполненных светом кварцевой лампы.

Говорят, что в человеке все из детства. Алкоклинник как ребенок эпохи застоя любил все советское. Ему нравился масштаб! Уже взрослым человеком он приходил в восторг от просторных зданий из желтого кирпича, утверждая, что нет ничего более продуманного для медицины, чем больница, построенная в Советском Союзе. Доктор Ака повторял, что так уже не строят.

Отец Алкоклинника был большим человеком. Мой друг унаследовал от него монетный профиль и пронзительный взгляд, выдающий высокую человеческую породу. С детства он рос в достатке.

Отца не стало, когда Алкоклиннику исполнилось десять лет. Он оставил огромную библиотеку, которую Ака не сумел сохранить, о чем вспоминал часто и удрученно.

У других ребят были отцы, а у него нет. Мальчику трудно расти без папы. Когда нет примера в семье, воспитывать начинает улица. Либо ты, либо тебя. Алкоклик не был исключением, ему приходилось отстаивать свое кулаками.

Пылкость натуры привела его в спорт. С детства Ака играл в хоккей, занимался подводным плаванием, велоспортом, рукопашным боем и прочими силовыми видами, что нравилось ему больше, чем учеба в школе. Так в старших классах Алкоклик перестал быть отличником. С того времени он физически не мог заставить себя делать то, что было ему не интересно.

По тем же причинам Доктор Ака был вечным студентом. Учеба Алкоклинника на медицинском факультете растянулась на долгие годы. Менялись поколения студентов, вчерашние первокурсники получали дипломы, а наш Ака выходил из очередного «академа» пробивать броню экзамена по патологической физиологии. Гормоны сильно отвлекали его от учебы. К тому

же однокашники активно убивали себя алкоголем и наркотиками. Дети знатных династий в святые девяностые. Саженцы роз, высаженные в болото.

Не избежал этого и мой друг. Он выбрал сомнительный путь быть плохим парнем с акцентом на деньги. Не судите, ибо в то безумное время выживали сильнейшие.

Имея приводы за мордобой и пьянку, Ака не считал себя совсем уж пропащим. Как будущий медик он оправдывал себя словами дедушки Юнга: *«Знать тьму внутри себя — лучший способ справиться с тьмой в других».*

Ну да, не согрешишь — не покаешься.

К тому же выходки Алкоклиника не были подлыми. То девушку защитит от хулиганов, отправив их в «Склиф», то бесхозную машину на металлолом сдаст. Да и кто, если не он, мог занять вечно голодному студенту до стипендии, помочь договориться на счет теплого угла...

Когда Доктор Ака не сдавал сессию, «каникулы» позволяли постепенно переосмысливать отношение к жизни, изгоняя из себя разгильдяя с весьма невзрачной перспективой. В двадцать лет человек может позволить себе терять время. Тогда он сторел, чтобы возродиться. Мой друг всегда повторял, что тот, кто не падал, никогда по-настоящему не взлетит. А успех — плохой учитель. Оттого троечники потенциально сильнее отличников. Алкоклиник сетовал,

что талантливых, способных от природы людей частенько сжигает первая серьезная неудача. С троечниками проще: они легче встают после жизненных нокаутов. Как говорил Доктор Ака: *«Я уважаю троечников, у них есть чему поучиться»*.

Надо ли говорить, что окончание Доктором Ака медицинского института стало событием, которое отмечалось с размахом! Выбрав место интерна на кафедре психиатрии-наркологии, наш Алкоклиник явно не прогадал. Самой жизнью он был подготовлен к такой практике, поскольку знал о зависимости не только из учебников. Опытный взгляд вечного студента за внешней простотой профессии видел безнадежность подавляющего числа пациентов. Он понимал их лучше, чем другие доктора. Зависимость жестока.

Не оставляя мыслей о свободе труда, Алкоклиник устроился врачом в частную клинику известного доктора. Там оказалось, что за одно дежурство врач может зарабатывать больше, чем в городской больнице за целый месяц. От этого у Ака возбудились мысли и желания. Он был готов конвертировать свою энергию в деньги. По мере сил. А сил у него было немерено.

Про свой первый самостоятельный выезд к больному Доктор Ака рассказывал так:

— Приехал, открывает пожилой мужик. Сразу вижу — страдает от похмелья. Померил давление —

прет в космос. Руки дрожат, тревога, сказать толком ничего не может. Ну, уложил его, сделал сложную капельницу. Подождал. Смотрю: розовеет пациент, благодарит. Отпустило, говорит, доктор. Спасибо. В карман мне сто долларов сунул. Достойные деньги.

Обладая легкой рукой и твердыми знаниями, Алкокликник нравился больным. Так у него появилась своя весьма обширная клиентура. И понеслась карусель: ночами, днями, сутками.

Почти как одинокий рыцарь, Доктор Ака разъезжал от больного к больному на стареньких жигулях, работая на себя. Сейчас такое вряд ли возможно. Время сильно изменило рынок частной наркологии. Цифровые капканы не любят одиночек. Это сегодня, но в ту пору царило Время невероятных возможностей: бери и делай!

Эта книга о нескольких встречах с Алкокликником. Историях, которые повлияли не только на мою жизнь, но и на жизнь других людей. Надеюсь, что моя память не подведет и я расскажу вам все, как оно было на самом деле.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ АЛКОКЛИНИК ВЕЗЕТ МЕНЯ В ДЕРЕВНЮ

*Сегодня с нами ты не пьешь,
а завтра Родину продашь!*

Народная мудрость

Субботним летним утром меня разбудил телефонный звонок. Часы показывали что-то около семи. Звонил Доктор Ака.

— Привет. Знаю, что ты дома. Поехали в деревню к моим.

— Ты с ума сошел, я отсыпаюсь после смены. Работал допоздна.

— Спускайся, машина у подъезда, мясо в багажнике, девушки в избушке. Не заставляй меня приходить в гости и уговаривать.

— Ладно, я сейчас.

Через пятнадцать минут Доктор Ака вез меня на своей выдавшей виды «девятке» прочь из Москвы. В салоне автомобиля заиграла песня Владимира Высоцкого «Ой, где был я вчера».

Я сонно щурился и собирал в голове мысли. Вдруг Алкоклинник изрек:

— Там у дядьки моего день рождения.

— Чего не сказал-то? Неудобно, надо подарок...

— Брось. Мы сами с тобой как подарок! Соберется родня. Юбилей все-таки! Надеюсь, ты не побрезгуешь хлебом-солью?

Я уловил в его голосе знакомые нотки сарказма и понял, что Алкокликник затеял со мной провокационный разговор. Я принял брошенную перчатку:

— Договорились! Твой хлеб — мой хлеб!

Доктор Ака ухмыльнулся и продолжил:

— Родственники мои — люди гостеприимные, но и выпить не прочь. Тем более, что есть солидный повод. Так что готовь печень, дорогой!

Владимир Семенович продолжал бить в струны.

— Сразу же после тебя! — ответил я.

— Со мной — отдельный разговор. А ты — гость, значит, должен проявить уважение юбиляру и честной компании. Сегодня с нами ты не пьешь, а завтра Родину продашь! — продолжил Доктор Ака, с удовольствием приступая к упражнениям с моим мозгом. — Ты сам доктор, должен понимать, что люди немощны. Им нужны костыли, стимул, поддержка. Вот ты как относишься к своим пациентам? Презираешь их, сочувствуешь им? Может, они тебе безразличны? Какие ассоциации вызывают в твоей голове зависимые люди?

— А как мне к ним следует относиться? Напомню тебе, что наша с тобой психиатрия — самая загадочная отрасль медицины, которая так и не научилась

лечить душевные болезни. Ты знаешь, что мы до сих пор не можем толком объяснить эту самую высшую нервную деятельность. Так сказать, пока это все закрытая полка обширной библиотеки человеческих знаний, — отмахнулся я.

— Ты утверждаешь, что не в силах лечить? Считаешь себя вахтером душевных болезней, хранителем ее высочества ремиссии?

— Ака, не морочь мне голову!

— Так я хочу предостеречь тебя от фатальных ошибок. Мы едем развлекаться и отдыхать, а твой настрой меня пугает. Ты — русский человек и должен понимать свой народ. Не наступай на культурный код!

— Что? Не понимаю!

— Да, да, ты не ослышался. Культурный код. Как тебе известно, любая нация обладает уникальными особенностями, без которых понять этот народ невозможно. Ты же слышал об американской мечте. А Поднебесная? Китаец, который родился, например, в Европе, с точки зрения культуры и мировоззрения все равно вырастет китайцем. Он будет знать свой родной язык, есть китайскую пищу и соблюдать традиции. Потому что китайцы растворяют все вокруг, хотя сами не растворяются ни в чем! Мы же сильны тем, что мы разные. Вдумайся, от Калининграда до Камчатки одиннадцать часовых поясов объединяют миллионы людей, исповедующих

совершенно разное отношение к алкоголю. В каких-то регионах спиртное запрещено, а где-то местные гордятся традициями виноделия. Мы все так или иначе говорим на русском языке, в детстве и юности читаем русскую литературу, смотрим советские и российские фильмы. Вот оттуда мы черпаем свой культурный код. Отрицать это глупо.

Колонки продолжали трещать мощным рыком.

— Какое это имеет отношение?..

— Ты не дослушал, — прервал меня Доктор Ака, набирая скорость на трассе. — Отношение к вину, азартной игре, разврату и прочим шалостям русский человек черпает с детства. Тебе известно, что в большинстве регионов России выпивка является культурной традицией. И не только у нас. В Германии, Испании, Франции, Италии, Англии тоже есть культура употребления алкоголя: бокал сухого вина за обедом, глоток виски за беседой и так далее. Ты же смотрел их кинофильмы.

— Разница в том, что там запивают, а не пьют, — бросил я.

В это время песня подобралась к развязке сюжета.

— Больше тебе скажу. Может, от того, что творческая интеллигенция — люди пьющие и увлекающиеся, наши шедевры делают выпивку воплощением мужественности. Вспомни у Булгакова штабс-капитана Мышлаевского в «Днях Турбиных»,

как он соблазняет Лариосика: *«Помилуйте, я тоже не пью. Но одну рюмку. Как же вы будете селедку без водки есть? Абсолютно не понимаю»*, — Алкокликник усмехнулся, выключив магнитолау.

— Ты правда считаешь, что Булгаков с Чеховым так плохо повлияли на наших больных? — удивился я.

— Пойми, чудак, наш человек не может удержаться от водки, коньяка и самогона, если все это под хорошую закуску да в теплой компании. Культура не позволяет. Невежливо. Неуважительно. Этим можно глубоко обидеть собеседника.

— Чего ты хочешь мне доказать?

— Я лишь хочу, чтобы ты согласился с тем, что наша культура не осуждает винопитие как такое, — сказал Алкокликник, выжимая все силы из ревущей машины.

— Вот ты мне сейчас это сказал, а я задумался. Не могу вспомнить что-либо из литературы, где главный герой — трезвенник, и это всех устраивает. Но я помню у Булгакова, как Воланд глумил буфетчика, отказавшего от рюмки. Что-то недоброе творится в головах людей, избегающих спиртного, женщин и карточных игр!

— Все верно, в нашей культуре отношение к непьющим людям расходится от осторожного до откровенно пренебрежительного. Не пьешь? Бо-

леешь, что ли? — сыронизировал Алкокликник, лихо обгоняя фуру.

— Куда мы так несемся? — спросил я.

— Я не буду тебе подсказывать. Вместо этого предложу пройти по нашему кино, которое мы так любим пересматривать. Давай о самом важнейшем из искусств, — не слушая меня, продолжал Доктор Ака.

— Знаешь, бесконечная франшиза «Особенностей национальной охоты» меня не приводит в восторг.

— Зачем? Давай обсудим нашу советскую классику. Тогда в Союзе была цензура. И если что не так с идеологией, фильм отправляли на полку. Согласен? — вставил шпильку Алкокликник.

— Трудно не согласиться.

— А если так, то вспомни бессмертные «Ирония судьбы, или С легким паром», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию», «Не может быть», «Жестокий романс». Мы воспитаны на этих образах.

— Ага, Иван Васильевич, вы водку пьете? Анисовую! — засмеялся я.

— Вот-вот! Заметь, что экранное советское пьянство не влечет осуждения пьющих персонажей. Сначала человек выпивает, а затем демонстрирует свою удаль и беззаботность! Законы жанра.

— Дружище, ты читал «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева? — спросил я своего друга.

В ответ Алкокликник ухмыльнулся:

— Читал-читал. Вот это жизнь: так «нагрузиться» в четверг, чтобы в субботу гадать, куда девалась пятница. Размышления человека, обнаружившего себя под железнодорожной насыпью... Философская вещь, глубокая, — продолжил Доктор Ака. — По мне, так Веничка все это написал не только для пьющих людей. Страдал человек, самовыражался, — рассуждал он.

— Не знаю, но вещь известная и написана хорошо, — сказал я.

— Если бы эти произведения были плохо написаны или сняты, то в обществе к пьющему человеку не относились бы с сочувствием и пониманием.

— Ака, но ведь совместное курение и выпивка несут и некоторую пользу. Все это мощнейший коммуникативный фактор. Люди знакомятся в курилках и за столом. Мужской коллектив крепит чувство локтя по пятницам в бане с пивом и в кабаке с водкой. Это традиция. Сплетничают мужички, выпивают, отношения строят между собой, — отметил я.

— Все верно, весь коллектив втягивается в эту историю под названием «выпиваем вместе». И это с давних времен. Почитай историков. Чингисхан, Петр Первый, Сталин. Говорят, что они любили подпоить своих соратников хмельным, а потом убедить, у кого и как развяжется язык.

— Ты начал с юбилея своего дяди, а теперь перешел на Чингисхана, — усмехнулся я.

— Именно. Мой дядя отличается от Чингисхана лишь тем, что с великим завоевателем все-таки можно было о чем-то договориться. Поэтому готовь печень, дорогой мой!

Так за беседой мы мчали до пункта назначения. Впереди был день, полный событий.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ АЛКОКЛИНИК ЧИТАЕТ ЛЕКЦИЮ О ВРЕДЕ АЛКОГОЛЯ

*Думать — это трудно, вот почему
большинство людей судят.*

Карл Густав Юнг

Деревня, а вернее, небольшой городок встретил нас тепло. На адресе по обочине дороги мостились автомобили. Родня и гости наполняли просторный двор двухэтажного дома. Женщины сутились с продуктами. Тут же был накрыт стол, видимо, с завтраком. Нехитрая снедь: жареная птица, яичница в сковородах, нарезки овощей, молоко в банках. Венчали эту идиллию огромные бутылки мутного самогона.

Мы поздоровались, прошли к амбару, где ворошил свои запасы лысеющий крепкий мужик — дядька Алкоклинника. Они обнялись. Ака что-то сказал ему на ухо. Я поздравил юбиляра витиеватой тирадой про здоровье и удачу, проямлив что-то на счет отсутствия подарка, на что он, смеясь, ответил мне анекдотом:

— У моей жены сегодня день рождения, а я так и не придумал, что ей подарить...

— А ты приди домой трезвым!

— Думаешь? Вообще-то, дата не круглая...

День набирал силу, но главные торжества были впереди. Собирались люди. Внезапно я обратил внимание на человека в милицейской форме. Пожилой младший лейтенант в помятой гимнастерке, с окладистыми усами как бы сошел с экрана кинофильма про деревенского участкового. Он что-то с жаром объяснял Алкоклиннику, казалось, уговаривая его. Оба похлопывали друг друга по плечам и зычно хохотали. Я подошел ближе.

— Ты понимаешь, позарез мне это нужно в отчетность. Конец полугодия! Спасай, друг! — напирал участковый.

— Сколько их у тебя? — щурился на него Доктор Ака.

— Девять оболтусов. Дел-то на час, — продолжал упрашивать милиционер.

— Ладно, Петрович, топай к себе, готовь аудиторию к лекции! Буду через двадцать минут, — заверил Алкоклинник.

— Бегу, бегу! — сказал местный Анискин, после чего опрокинул в себя рюмку и закусил на ходу куском холодной курицы.

Я подошел к Доктору Ака с вопросом во взгляде:

— Ты куда-то уходишь?

— Я? Мы! Нам с тобой выпала честь провести занятие с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни. Прочитаем им лекцию о вреде алкоголя.

Местное отделение милиции представляло собой добротный деревянный дом, покрашенный зеленой краской. В большой комнате на скамейках, поставленных в два ряда, в позах разной степени задумчивости сидели девять местных мужичков неопределенного возраста. Их лица отметила печать долгой любви к горячительным напиткам не самого благородного происхождения. Воздух в помещении был густо насыщен гомоном и тяжелым запахом пьянства. Участковый что-то подписывал у одного из сидящих, тыча в документ пальцем.

Заметив нас, Петрович распорядился:

— Мужики, тихо! Значит, доктор расскажет вам, сидящим тут, про вред алкоголя. И чтоб тихо мне! А кто не будет соблюдать, отправлю красить забор!

Алкокlinik, сверкнув глазами, начал:

— Джентльмены! Я — врач-нарколог. То, что я расскажу, вам сильно не понравится.

Он обвел взглядом небритую аудиторию и продолжил:

— Одни из вас скоро мучительно умрут, другие станут безумными, третьи потеряют остатки здоровья. Тюрьма, больница, смерть. И я уже вижу, кто какую участь разделит, — начал Алкокlinik, явно привлекая к себе внимание.

Аудитория пришла в движение.

— Доктор, начнете сейчас рассказывать о том, что мы конченые? — прохрипел испитым голосом мужик со сломанным носом.

— Конченые для кого, уважаемый? Расскажите, почему вы тут оказались?

Мужик ухмыльнулся и начал:

— Известно почему... Склонен. Но пью в нерабочее время. Эх, друг, хлебнул бы ты с мое... У меня и батя не прочь был заложить за воротник. Помер от перепоя. В восемнадцать я спалился на краже, с дружкой сельмаг вломили. Освободился и понеслась. Три командировки. На свободе не очень понимаю эту жизнь. Зарплата у пастуха — не разгуляешься. Мать жалко, конечно.

— Считаете себя больным? — спросил Алкокликник.

— Слушайте, доктор, никем я себя не считаю. Говорю же, жизнь такая. Не делайте вид, что не понимаете, почему мне приходится горькую хлебать.

— А что происходит, когда вы выпиваете?

— Ну мне становится легче...

— Есть тут еще, кому легче после спиртного? — спросил Доктор Ака.

— Есть такие! — улыбнулся дедушка с фингалом.

— Ну, расскажите, как вы тут оказались.

— Дом у меня сгорел. Дед построил, а при мне сгорел.

Мужики зашевелились:

— Ты, Михалыч, поминки по своему дому еще при Горбачеве справил!

— Да ладно, уймись, много вы понимаете, — огрызнулся дедушка и продолжил:

— В восемьдесят шестом продал я теткин кооперативную квартиру, что по наследству оставила. Семь тысяч выручил. Таких денег никогда в руках не держал.

Ну выпил, как полагается, возле автовокзала, пока ждал свой автобус. Подошли, попросились за столик. Накатили вместе, разговоры там всякие. Дальше помню себя уже в парке под скамейкой, хватъ, а денег-то и нет. Сволочи... Вернулся, а меня соседи на смех, жена из дому гонит. Ну и понеслась. Дом свой спалил по пьяни, соседей гонял. С работы поперли, а я водителем был, считай, профессии лишился. Жена ушла, дети прокляли, с тех пор перебиваюсь чем придется.

— Ну, а выпиваете для снятия стресса? — уточнил Алкокlinik.

— Да, для этого выпиваю, так бы давно загнулся от всей этой жизни, — подытожил Михалыч.

— Скажите, кто-то считает себя здесь алкоголиком? — громко спросил Доктор Ака, чем привел публику в шевеление.

— Доктор, мы считаем или нас считают? — буркнул кто-то.

— Друзья мои, на самом деле, совершенно неважно, что вы считаете. Болезнь или есть, или ее нет. И отрицание проблемы ни на что не влияет. Если вы не считаете себя больными, это не значит, что вы здоровы. Понимаете? — изрек Алкокlinik.

Участковый оторвался от своих бумажек, с искренним интересом слушая набирающую градус беседу. Мой друг взглядом сверлил каждого из присутствующих и говорил, выразительно жестикулируя обеими руками.

— Бедолаги! Вы сейчас не в лучшей форме. Но у меня нет других пациентов. Я помогаю людям, которые сами себя загнали в рабство отравы. Куча проблем, тонны горя — и все это ради минутного удовольствия. Вы спрашивали, считаю ли я вас больными. Если то, что вы сами говорите о себе правда, то да, я считаю вас больными алкоголизмом. Возможно, наша беседа изменит вашу жизнь. Очень в этом сомневаюсь, но это, правда, возможно. Так что напрягите внимание и послушайте, что вам скажет доктор!

Запомните, алкоголь — это не средство решения проблем. Хмельное хрючево не делает вас сильнее, умнее и богаче. Оно обладает лишь одним эффектом — создает иллюзию счастья, дарит вам эйфорию. Но за все нужно платить. И цена этому минутному кайфу — ваша жизнь.

— Доктор, не надо пугать, здесь не дети, — вяло произнес один из мужичков.

— Давайте вместо лозунгов я расскажу вам, как спиртное ведет себя в ваших организмах. Я открою вам несложную тайну, почему водка дарит эйфорию. Среди вас есть технари?

Поднялось несколько рук.

— Как вы знаете, мозгу человека необходим кислород. А доставляют его к нейронам по тоненьким сосудикам эритроциты. Когда человек чистый, они свободно достигают клетку, отдают ей кислород и забирают у нее углекислоту. Это продолжа-

ется ровно до того, как вы тяпнете первый стакан. Этанол попадает в кровь и склеивает эритроциты между собой. Получаются такие «гроздья винограда», и вот они уже в эти тоненькие сосуды к нейронам не пролезают. Закупоривают кровоток. Нос краснеет, потому что сосуды забиваются сгустками. В этот момент клетки мозга начинают массово умирать. Нарушается процесс передачи нервных импульсов. В мозгу начинается хаос. Я понятно объясняю?

— Это где-то написано? — встревожился милиционер.

— Полвека назад ученые Пеннингтон и Найсли доказали и описали все, что я вам тут рассказываю. Так сказать, уничтожили таинственную завесу. Нет никакого хмеля, который гуляет в голове. Есть банальная гибель клеток головного мозга. Такое же отравление, как гнилым мясом, только без поноса. Поэтому, когда вы пьете рюмку, считайте, что съедаете шмат тухлятины.

В комнате воцарилось молчание. Алкокликник продолжал.

— Друзья мои, давайте я расскажу, как вы попали в плен к этой гадости. Все вы знаете, что бывает, когда непьющий человек крепко «врезал» с горя или от радости, а сил не рассчитал. Наверняка, каждый из вас начинал именно с этого. Утром что с ним? Правильно, тошнота и слабость.

— Ага, во рту «кака», в головке «вава», деньги бабайка отобрал.

— Так и есть. Сильнейшее отравление. Какое там «повторить»?! Зарекается бедняга брать в рот огненную воду. С точки зрения физиологии, так боится его организм. Он бедолагу предупреждает: не надо тебе, дорогой, меня травить! Так вот, чаще всего находится повод употребить снова. У нас же культура такая. Не уважаешь меня? Тогда пей! К тому же мы с вами знаем, что зеленый змий дарит эйфорию. Это приятно! Кто задумывается о похмелье? Постепенно человек втягивается. Он начинает искать повод для выпивки. С вами не так было, уважаемые?

Мужчины молчали.

— Заметьте, человек ведет себя культурно. Пьет не на работе и на свои. Но у него появляется хроническое и непреодолимое желание употреблять пойло. Ему плевать на отрицательные последствия для своего здоровья. Чихать он хотел на то, как отнесутся к постоянной выпивке его друзья и коллеги. Ему нравится состояние перед выпивкой и во время нее. Но есть проблема, алкоголизм нельзя вылечить, как простуду. Кроме больницы и капельницы, это хроническое заболевание требует длительной реабилитации. Выбить из головы тягу к спиртному очень непросто, потому что психическая зависимость от зеленого змия гораздо сильнее, чем воля гражданина. И самая большая проблема: даже

умеренно пьющий человек не признает себя больным.

Вот вы, что чувствуете перед распитием? — спросил Алкокликник лысеющего доходягу.

— Настроение поднимается, доктор, — ответил тот.

— Вот-вот! Все правильно, — Алкокликник входил в раж. — В наркологии эта реакция называется предвкушением. Организм готовится получить удовольствие от употребления зеленого змия. Больной потирает руки от предвкушения. Давайте теперь поговорим про цену этого сомнительного удовольствия.

— Двадцать два рубля за пол-литра, доктор! — ухмыльнулся дед-поджигатель.

— Если бы... Выпил человек в пятницу с друзьями, проснулся, ощутил головную боль и тошноту. Проглотил активированный уголь, болеутоляющее. Помучился, перетерпел. Никакой тяги к алкоголю у него нет. Прошла неделя. Он трезвый. Опять пятница. Снова выпивает с приятелями. Постепенно это начинает становиться традицией. Системой. И вот наш господин уже потирает руки, когда мысли касаются возможности отравить себя спиртным. Благо, что предлогов тут масса: день рождения, свадьба, звездочка на погон и так далее. Пройдет время, и такое поведение неминуемо приведет к развитию болезни.

— Похмеляться начнет, доктор? — проявил осведомленность мужик с выбитым зубом.

— В яблочко! Снежный ком — чем дальше, тем хуже. Теперь наш бедолага сам ищет причину для общения с зеленым змием, намеренно ищет повод выпить. Вечер «тяпницы», например. При этом день недели, рабочий режим, занятость отходят на второй план. Утром после выпивки надо повторить прием. Это если есть такая возможность. Вижу по вам — большая тема, когда выпить не на что. Но что происходит с мозгами этого человека? Как правило, его речь усеяна примитивными шутками на половые и алкогольные темы. Для окружающих, которые его знали здоровым, он явно деградирует. Наблюдаются проблемы с памятью. В семье и на работе начинаются конфликты на алкогольной почве.

— Хммм, — промычал участковый, что-то записывая.

— И это не отбросы общества. Часто все, что я вам рассказываю, происходит в благополучных семьях с успешными людьми, которые могут себе позволить на утро вызвать платного доктора. Они знают, что врач снимет симптомы похмелья, поставит волшебную капельницу, и дурной головы как не бывало. На завтра — относительно свеженький, в галстук бежит по делам. Частенько так разгружаются люди с профессиональными стрессами: коммерсанты, летчики, юристы. Но **все это очень сильно истощает ресурсы организма. Они не бесконечны. Мордашка свежая пока, но мозг деградирует.** Это ска-

зывается на потере критичности к своему поведению. Такие люди начинают оправдывать себя.

— Намеряете, доктор? — слышалось от мужчин.

— Говорю прямым текстом. Когда систематически пьющий персонаж утверждает, что делает это для пользы — он болен алкоголизмом. Тут много отговорок: профилактика опасных инфекций, лечение сосудов, нервной системы. Кстати, чем вы оправдываете свои возлияния?

— Жизнь такая, доктор! Вот у меня дед крепко выпивал, но дожил до глубокой старости, и всех своих друзей-трезвенников перехоронил, — сказал беззубый.

— То, что вы сейчас мне сказали, означает, что вы глубоко больны, — металлическим голосом, не терпящим возражений, констатировал Алкокликник. Затем он продолжил:

— Спустя некоторое время человек попадает в полную зависимость от спиртного. Трезвое существование становится ему некомфортным. Трезвого, его раздражает солнечный свет, ему отвратительны человеческие радости. Позитивно воспринимать мир он может только после употребления алкоголя.

Народ в участке одобрительно загудел.

— У нас в медицине это называется термином «плато», и это состояние будет продолжаться, пока организм не исчерпает свои ресурсы борьбы с отравой. Когда же он сдастся, жизнь для такого чело-

века уже не будет прежней. Кто из вас найдет в себе смелость признаться, что вы чаще под мухой, чем без нее?

Мужички подняли руки. Участковый, увлеченный беседой, тоже дернулся, но, нахмурившись, вовремя спохватился.

— В последней стадии болезни больной пьет без перерывов. Его организм отравлен настолько, что даже прекращение употребления спиртного не вернет ему здоровье. Человек не хочет и не может затормозить. Больше того, прекращение приема алкоголя в его случае может повлечь гибель!

— То есть бросать нельзя? — воодушевился дед.

— Бывает, что такой человек прекращает пить. Чаще всего, когда он попадает в изоляцию. В тюрьму или в больницу по пьяному делу. Тогда продукты распада алкоголя начинают выходить в организм, отравляя мозг, в результате чего «приходит белка». Алкогольный делирий, слышали такое?

— Я «белочку» ловил, — усмехнулся плешивый.

— Везунчик, живой сидите! Но часто все заканчивается реанимацией и смертью. Если повезет, то человек выживет, но потеряет остатки разума, как будто получил травму головы. Какое-то время он не пьет. Просто физически не может. Но это не выздоровление, а, скорее, временная передышка. Придет немного в себя и снова начнет. Дозы падают до смешных. Больной катастрофически пьянеет от символической

рюмки. Появляются полиорганные поражения, «походка моряка» и прочие малоприятные симптомы. От прежней памяти и интеллекта не остается следа, и это без надежды на восстановление. Доживает бедняга свои дни в ожидании терминального инфаркта или инсульта. Таких нет среди нас?

Дед, плешивый и мужик с выбитым зубом молчали, потупив взгляд.

— Друзья мои, чаще всего вы гибнете не от «белки», а замерзаете на морозе, попадаете под транспорт, выпадаете из окон, умираете от рук собутыльников. Где ваши пальцы, товарищ? — обратился Алкокликник к тихо сидевшему мужчине в очках.

— Отморозил по пьяни, — ответил тот.

— Но даже живые вы начинаете создавать проблемы окружающим. Почитайте Шукшина «А поутру они проснулись». Там ваш коллега запомнил, как во хмелю накануне выкинул из жилья людей. Так напился, что ошибся этажом и квартирой. С праведным гневом!

Мужики одобрительно засмеялись, а Алкокликник продолжил:

— Вот видите, один больной других больных обидел. А был бы среди них кто-то попроворнее... Давайте спросим нашего дорогого участкового: Петрович, кто чаще всего оказывается криминальной жертвой? — Доктор Ака повернулся к милиционеру.

— Львиная доля убийств, изнасилований и прочих преступлений на бытовой почве совершается в состоянии алкогольного опьянения как со стороны преступника, так и жертвы, — выдал Анискин.

— Друзья мои, алкоголь не решает ваши проблемы. Он их только усугубляет. А вас убеждает в том, что является единственным средством видеть мир позитивно. Так вот, если вы продолжите такой образ жизни, то скоро умрете. Вам откажут ваши почки, печень или сердце. Он забрал у вас нормальные человеческие отношения и вместо них сунул пьяное мурло. И если кому-то из вас надоела такая вот жизнь, возьмите мой номер телефона, позвоните и я дам вам последнюю возможность на выздоровление. Поверьте, если вы потрудитесь, предшествующие пьяные годы вы будете вспоминать как ужас и кошмар. Все, лекция закончена.

К Алкоклиннику с вопросами подошли двое доходяг, остальные, шаркая и переговариваясь, стали выходить из участка.

Распрощавшись с участковым, мы вышли на сельский тракт. По пути Доктор Ака предложил мне искупаться в речке неподалеку. Он светился и юморил. Все-таки публичные выступления наполняют, подумалось мне. Сам я так никогда не ораторствовал. Вдруг Алкокlinik спросил:

— Тебе когда-нибудь пациенты цветы дарили? Женщины?

— Такого не было. А тебе?

— Два года назад пришла на прием мадам. Хронический алкоголизм. Но не безнадежная. Проговорили с ней часа два. Убеждал ее кодироваться, а затем восстанавливаться на пути трезвости. Прошлой весной заходит в кабинет цветущая дама с букетом. Я ее не узнал. Благодарила, предлагала любую помощь, интересовалась, может ли помочь как волонтер. Цветы мне подарила.

Когда мы вернулись к дядьке, двор был уставлен столами. За ними сидели незнакомые мне люди. Торжество давно началось. Кто-то обращался к юбиляру с пожеланиями. Слышался смех, чавканье и звон посуды. Доктор Ака куда-то исчез, а меня посадили к рыжему крепышу, который сразу же предпринял попытку налить в мою рюмку самогона. Я закрыл стаканчик рукой. На что услышал обидчивое:

— Ты болеешь, или тебе со мной выпить запаadlo?

— Я за рулем, извини, друг...

Где-то за спиной разворачивали меха скрипучей гармошке.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ АЛКОКЛИНИК РАССУЖДАЕТ О СВЯЩЕННОЙ ЭЙФОРИИ

*Эйфория — как роковая женщина:
влюбляет в себя без остатка,
губит без сожаления.*

Автор

Обратный путь до дома я продремал. По приезде пригласил Алкоклинника в гости:

— Ака, зайдем ко мне, попьем чаю, ты так давно у меня не был!

— Главное, чтобы кружка не превратилась в рюмку! Пойдем, дружище!

Пока я суетился в кухне, Алкоклинник внимательно рассматривал стены моего скромного холостяцкого жилища. Они были оформлены коллажами из фотографий. Тогда, будучи еще не обремененным семейными заботами, я любил путешествовать, наслаждаться атмосферой дороги. Вот — я осваиваю парусную яхту, а там — мои эмоции после прыжка с парашютом. Те три кадра сделаны в Лондоне, а эта серия — незабываемые алтайские приключения. Такие декорации напоминали мне, что молодость коротка, они побуждали меня к новым идеям и странствиям.

— Куда собираешься на этот раз? — вдыхая аромат напитка, осведомился Доктор Ака.

— Думаю, в Юго-Восточную Азию, там шикарный дайвинг, — отвечал я, разгрызая сушку.

— Риск — благородное дело. Мой личный рекорд — метров двадцать без акваланга. В этот момент человек понимает, что он наедине с судьбой. Одна ошибка, и все, помочь там некому, — поедая бутерброд, изрек Алкокликник.

— Все верно, хочется острых ощущений, адреналина. С самолета я уже прыгал, по горным рекам сплавлился, а вот в морские пучины погружаться не приходилось.

— Счастливчик! Эти шалости еще доставляют тебе удовольствие. Но человек быстро привыкает ко всему. Для обострения ощущений требуется повышать градус риска. Кстати, недавно я здорово шандарахнулся с мотоцикла. Мот вдребезги, а мне повезло, — хлопнул себя по бедрам Доктор Ака.

— Ну да, надо же заполнить цветами серость бытия, — согласился я.

— Как точно ты сказал... Серость. Знаешь, по мне, **жизнь — это контурная карта, раскраска. Ты сам выбираешь, чем и как наполнить ее.**

— А обстоятельства? Проблемы, беды, усталость. Хорошие ощущения позволяют чувствовать себя лучше! — продолжил я.

— Видишь ли, с точки зрения физиологии, наша жизнь — всего лишь восприятие окружающей действительности. Сумма ощущений. Без них никакой жизни нет. Есть существование. Поэтому счастлив ты или нет зависит только от того, как твое сознание воспринимает информацию, получаемую от рецепторов. Не так ли, коллега? — рассуждал Алкокликник, жестикулируя соленым огурчиком на вилке.

— Ты хочешь сказать, что человеческие страдания лишь в голове?

— Именно. Одни и те же жизненные обстоятельства разные люди воспринимают по-разному. Но это полбеда. Главное, что они совершенно по-разному компенсируют свой ментальный дискомфорт. Кто-то терпит, другие меняют обстановку или окунаются с головой в работу, а третьи — прибегают к «костылям». Не будь их — мы были бы с тобой безработными! — рассмеялся Доктор Ака.

Я понял, куда клонит мой друг. Он, как увлеченный экспериментатор, проделывал опыты по извлечению адреналина не только с собой, но и с другими. Память ярко высветила историю, после которой я зарекся общаться с ним. Зарекся, но не сдержал своего обета.

В студенчестве на одной из ночных посиделок в компании Алкокликник рассказывал историю про то, как его чуть не зарезали в драке. Один про-

тив троих, он выстоял в этом сражении, да еще и наваял обидчикам, прилично их отоварив. Не поверив, я иронично переспросил:

— А их точно было трое? Может, у тебя от страха троилось в глазах?

Алкоклиник без эмоций повернулся ко мне, выдержал паузу и задал встречный вопрос:

— Ты веришь в свои сверхспособности?

— Как у людей-мутантов? — снова усмехнулся я.

— Почти. Ты знаешь, что сумеет твоя хилая тушка, если в нее плеснуть изрядную дозу адреналина? — не мигая, продолжил Алкокклиник.

— Хорош! Ты мне еще лекцию по физиологии прочитай! — уже пожалев о своей неосторожной фразе, я попытался свести этот разговор в шутку.

— Пошли на воздух, — приказал Доктор Ака, подтолкнув меня к выходу. Я не сопротивлялся.

Мы вышли из подъезда. Алкокклиник молча повел меня куда-то закоулками в тишину ночных зимних дворов. Через пару минут он остановился у видавшей виды иномарки и поручил мне:

— Смотри за обстановкой. Увидишь кого-то — дай знать.

Затем, не ожидая моей реакции, Доктор Ака почти моментально чем-то вскрыл дверь автомобиля и нырнул внутрь.

Меня окатило жаром, пульс прыгнул за двести ударов в минуту. Я понял, что участвую в банальной краже. Какое-то время я соображал, затем сунулся в машину к Алкоклиннику:

— Ты сдурел? Ты чего творишь? — я почти крикнул ему в лицо.

— Не я, а мы, — спокойно парировал Ака, продолжая выковыривать что-то из приборной панели.

В этот момент я увидел, как на нас с улицы смотрит какой-то мужик. Я почему-то решил, что он из милиции. Дядька шел к нам, громко вопрошая:

— Пацаны, вы чего тут делаете? Машину курочите?

Алкоклинник мгновенно пихнул мне в руки тяжелую холодную магнитолау и выпалил:

— Поймают — посадят. Лет на пять. Беги! — после чего, нырком уклонившись от мужика, скрылся в темноте.

Я бежал быстро, не разбирая пути. Пару раз мне пришлось перемахнуть какие-то заборы, бросив наживу в сугроб. Вопящий преследователь давно отстал, а я все не чувствовал себя в безопасности. В голове крутилось: Боже, как глупо! Он же меня запомнил!

Почему-то тогда мне казалось, что вся милиция только и будет делать, что искать меня.

Я очнулся возле своего дома. Получается, что галопом я пробежал километров пять. Таких рекордов

у меня еще не было. Лицо горело, а грудь изнывала от холодного воздуха и долгой работы легкими. Я умылся снегом, затем меня вырвало. Я поднялся к себе домой. Спал я беспокойно.

Утром, все обдумав, я решительно позвонил Доктору Ака. Тот, как ни в чем не бывало, поинтересовался:

— Теперь веришь в свои сверхспособности?

— Ты что, дурак? Ты меня в кражу втянул!

— Хочешь меня сдать?

— Идиот, меня могут посадить из-за тебя!

— А, ты про это... Не переживай, это была моя машина. Куда магнитофон дел, паникер? — с иронией поинтересовался Алкокликник.

После этого случая мы не общались, наверное, полгода. И вот опять он что-то замышляет. Ну уж дудки, сейчас, по прошествии многих лет, я как взрослый человек не позволю ставить над собой опыты.

— Всегда завидовал людям с крепкой психикой, — сказал я, намекнув Доктору Ака на историю с магнитолой.

— А я — холерикам! Они очень остро чувствуют то, что мы называем жизнь. Эмоции очень важны для человека, — продолжал Алкокликник. — Радость — сильное чувство. Но страдание — сильнее. Страшная сила. Без страдания невозможны развитие, рост и осознание человеком себя как личности.

Желание волшебным образом, моментально изменить восприятие жизни, сделать ее цветной и радостной — вот коренная причина всех зависимостей. **Человеку свойственно искать ее величество Эйфорию.** Давай сравним чувства чемпиона, стоящего на пьедестале почета, с ощущениями пьяного? Оба в моменте испытывают наслаждение. Только у одного медаль, благодаря годам упорных тренировок, травм и лишений, а другой обязательно протрезвеет. И ощущения у них будут разными. Хмельному товарищу госпожа Эйфория подарит красочный мир, полный радости. А вот на счет чемпиона — не уверен, — размышлял Доктор Ака.

— Ты хочешь сказать, что эйфория — это мираж и самообман? Пожалуй, соглашусь. Позволь, я приведу тебе пример. Возьмем азартных игроков. Все на зеро! Рулетка закрутилась, сердце застучало. И вот удача — банк сорван. Игроку снова хочется играть. И дело не в деньгах. Мозг требует повторить феерию восторга. Но фортуна изменчива, и чаще всего желание ее приручить заканчивается жестоким разочарованием. Она умеет бить наотмашь. И тут человек вспоминает про «костыли», — философствовал я.

— Знаешь, мой друг, люди — чаще всего немощные существа. Они неосознанно стремятся туда, где легче и вкуснее, — отвечал мне Алкокlinik.

— Ну, если верить пословице, то рыбка ищет, где глубже, а человек — где лучше! Это естественно.

— Правильно. Человеку вообще свойственна жадность. Большинству людей маловато штанов, побрякушек, денег, секса! Маловато! Еще! Еще! Еще! Смотрел детский мультик про золотую антилопу? — вопрошал Доктор Ака.

— Конечно смотрел! Глупое животное, денег не бывает слишком много! Найду себе раджу побогаче, чем ты! — я вспомнил бессмертные цитаты

— Надо доить эту корову, пока она не сдохла! Что может быть важнее, чем оборот, выручка и партнеры, помешанные на сумме среднего чека?! — эмоционально выдал Алкокликник.

— Ты прав, Ака, это человеческая немощь. Настоящая сила живет в душе аскета. Немногие могут осознанно удержать себя от переедания, выпивки и прочих излишеств. Разумное пищевое, половое и прочее поведение — удел гигантов духа. Большинство живет потребностями желудка. Хочу — беру, нравится — потребляю.

— Но ты говоришь о вещах. А как быть с комплексами, страхами и разочарованиями? Как удержаться от допинга, когда тебя окружает сплошной негатив? Представь нашего типичного пациента. Что он думает о своей жизни? Мечты юности не сбылись. Он — одинокий неудачник. Друзжки кучкуются возле бутылки или шприца. Депрессия как образ жизни. Ничего не радует. Все пронизано чувством беспросветной пустоты. Мрак! Но человек хочет по-

ложительных эмоций. Он не может существовать во тьме. И вот оно — спасение! — эмоционально продолжал Алкокlinik.

— Брось пить — и ты потеряешь всех друзей? — спросил я.

— Скорее: убить двух зайцев одним выстрелом! Для алкоголика или наркомана стремление к эйфории является средством не только доставить себе удовольствие, но и забыть о своих проблемах, о своей боли, о своей неполноценности. Накати водки или уколись. Недолгая феерия, но она того стоит. И главное, это рабство не требует усилий. Не надо годами добиваться успеха и признания. Доза дает капельку эйфории. И это можно повторять вечно! Вот раствор спирта стекает в желудок, и человек чувствует тепло. Оно растекается по жилам, укутывает его, как мягкое одеяло. Беспокойство уходит, вместо него появляются приятные мысли. В эти минуты проблемы растворяются. Ненадолго... Но у всего есть своя цена. И она будет оплачена жизнью. Утро, голова раскалывается, добро пожаловать обратно в наш мир!

— Да, чтобы это работало, лекарство от серости надо принимать регулярно, — сыронизировал я.

— Знаешь, больше всего я сочувствую их близким. Сколько раз наблюдал. Такое беспомощное беспокойство, а чаще — отчаяние. Бедные старики и дети. Жена может уйти, а вот родителей и детей

не выбирают. Хотя, бывали и другие примеры, — рассуждал Алкоклинник.

— У меня есть пациентка двадцати лет от роду. Родители привезли. Второй раз снимаем ее с «медленного». Нестандартная внешность. Полноватая. Без фигуры. Татуировки. В старшей школе начала курить. Волосы покрасила в фиолетовый цвет, нос проколола. Объясняет, что не нравилась мальчикам и учителям, хотела привлечь внимание. В семнадцать лет ее первый раз «угостили». С того времени на системе. Последний год колосась в пах. Так сказать, протест против жестокости мира, которому, в общем, наплевать. Мать жалко, ничего сделать не может. Каждый раз верит ее обещаниям бросить. Раз десять обещала и срывалась, — мрачно заметил я.

— Они все думают, что от зависимости можно уйти с помощью волшебной таблетки. Выпил — и ты здоров, — констатировал Доктор Ака.

— Верное замечание. Образно, если мы идем в магазин десять минут, то и возвращаться нам оттуда примерно столько же. Поэтому в любом случае реабилитационный период необходим. Только после этого можно утверждать, что пациент поправился.

— Здесь ты не прав, мой друг. Если ты решил лечиться, то это на всю жизнь. Ты знаешь, что я имею право так заявлять. Наши медицин-

ские светила часто утверждают, что абстиненцию следует снимать комфортно для пациента. Потом его надо адекватно пролечить, а там мозг восстановится в течение двух лет, и проблема растает, как прошлогодний снег. Зависимость будет вылечена. Говорю тебе ответственно: я не согласен с этим. Если человек зависим от психоактивных веществ, то вытащить его можно только через страдания и работу над собой. Ему не стать здоровым, как прежде, но он может жить трезвой жизнью, понимая, зачем он так живет. Попробуй почини поломанный карандаш! Но и таким карандашом можно рисовать прекрасные вещи, — резко ответил Алкокликник.

— Давай оставим этот спор. Я не хочу тебе доказывать очевидное. Закончим на том, что у каждого свои методы борьбы с демонами, — примирительно предложил я.

— Послушай, ты профессионал, и ты решаешь, каким путем возвращать к свету твоих пациентов. Но ты не был в их шкуре, и то, что они чувствуют, что они думают, тебе известно лишь из книг. У тебя нет личного опыта. Я расскажу тебе один случай, который, надеюсь, заставит задуматься о глубине твоих познаний.

Один наркоман попался на разбое. Удовольствия от ломки он пережил в следственном изоляторе. Там у него случилось озарение. Он дал себе

обет никогда не употреблять. Стал молиться. Выжил, одним словом. Суд назначил ему длительный срок в исправительной колонии. Наркотиков не было. Два года в лагере он сохранял себя «чистым». Физкультурой занимался, строил планы на жизнь, вел активную переписку с родней. И тут с воли ему забрасывают передачу. А в ней — спрятанный пакет героина. И что наш герой? Он немедленно бежит в подсобку варить себе дозу... Два года трезвости коту под хвост! И когда он суетился с ложкой и огнем, то пролил свою бурду на пол.

— Почему? — удивился я.

— Ты не понимаешь, потому что знаешь свое дело из книг и никогда не был в шкуре наркомана. Предвкушение. У него тряслись руки. Ходили ходуном. У трезвого, понимаешь? Так отреагировал мозг. Наркомания никуда не делась из головы. Она ждала момента, когда наркотик будет доступным. И шансов у парня не было никаких. **Зависимость может уснуть, но голодом ее не изгнать.** Поэтому — страдание и работа над собой. Других путей к свету не бывает, — замолчал Алкоклинник.

Чайный аромат наполнял ночную кухню. Внезапно раздался рингтон мобильного. Звонила мама моего школьного друга Рената. Странно, лет пять не общались. Два часа ночи. Что случилось?

— Алло! Тетя Лена!

— Ренат умирает! Ты где? — из трубки послышалась истерика.

— Теть Лен, я дома и сейчас же бегу к вам! Срочно вызывайте скорую!

Я бросил взгляд на Алкоклинника, тот уже ворочил и проверял мою реанимационную сумку:

— Далеко? — деловито поинтересовался Доктор Ака.

— Соседний двор.

— Отлично, пара минут у нас есть! — Ака рванул к выходу.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ АЛКОКЛИНИК СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

*Невозможно прийти в сознание
без боли.*

Карл Густав Юнг

Мгновенно выбежав из дома, я и Доктор Ака во весь опор понеслись по ночному двору. Вот и знакомый подъезд. Домофон ответил долгими гудками, после чего запиликал, открывая железную дверь. В парадной пахло кошками. Не дожидаясь лифта, бегом мы оказались на шестом этаже. Дверь в квартиру была приоткрыта. Сердце выпрыгивало из груди, пот катился по спине и со лба.

В своей комнате на кровати лежал Ренат. Вокруг него толпились люди, лица которых я не разбирал. В некоем ступоре я увидел исколотые вены, мутные глаза, синеющее лицо.

— Чего смотришь? Передоз! Помогай! — крикнул Алкоклинк, деловито перетаскивая Рената на пол. — Все выйдите из комнаты! Живо! Скорую вызвали?

Расположив моего друга на полу, повернув его голову набок, Алкоклинк одним движением вон-

зил в его вену катетер. В это время я подал шприц, наполненный лекарством. Примкнув его к инъекционному порту, надавливая на поршень, Доктор Ака ввел препарат и отвесил Ренату мощную пощечину: Дыши! Дыши!

Ренат открыл глаза и начал бормотать:

— Больно, не надо... Буду дышать.

Доктор Ака повторял:

— Дыши, дыши!

Посмотрев на меня, он заметил:

— Героин. И, похоже, не случайно.

— Откуда ты знаешь?

— Не важно, — оборвал Алкокlinik.

Я накинул на руку Рената манжету тонометра и начал ловить в стетоскоп ритм его сердца.

Впервые оглядевшись, возле кровати на табурете я обнаружил нехитрые инструменты, с помощью которых Ренат готовил себе «золотую дозу». Дверная коробка была повреждена в районе защелки. Я понял, что хлипкую дверь выбивали снаружи.

Через пару минут в комнату зашла бригада скорой помощи. Алкокlinik, перебросившись с ними парой фраз, передал пациента. Ренат дышал, глаза его были приоткрыты, но на происходящее он не реагировал.

— Так, едем в больничку. Елена, документы его возьмите! — распорядился Доктор Ака.

В приемном покое мы ждали дежурного врача, оказавшегося по счастливой случайности знакомым нашего Алкоклинника. Тот вышел через часа полтора и объявил: «Жить будет. В реанимации полегит до утра и отпустим».

— Ты знаешь Рената? — поинтересовался я.

— Москва — большая деревня, — ушел от ответа Алкоклик, а затем продолжил: — Мать жалко. **Близкие наркоманов часто винят себя в том, что их родной человек стал чудовищем.** Ты видел ее лицо? Морщины глубокой старухи. Мучалась, когда рожала его, теперь мучается, когда он умирает.

— Может, их вина в том, что они не дали должного воспитания своему ребенку? — заметил я.

— Может в этом. А может, дело в том, что за пределами семьи человек подвержен дурному примеру. Ты помнишь, как начал курить?

— Да, в школе. После уроков. Восьмой класс, вроде бы.

— Хотел показаться взрослее? Похожим на старшеклассников?

— Наверное, так и было. Сейчас я уже не помню, — сказал я.

— У меня в юности был отрицательный лидер. Из шпаны. Он увлекательно рассказывал нам, как с товарищами делал «гоп-стоп», а потом сидел в колонии. Однажды он предложил парням «пятку». Мой дружок отказался, а тот ему: «Ты что, не мужик?». Догадываешься, наверное, что было дальше?

— Наверное, твой друг покурил, — предположил я.

— Не только покурил. Не только он, — печально заметил Алкоклик.

Мы ехали домой по свободным дорогам утренней воскресной Москвы. Ренат сидел сзади и молчал, мать смотрела на сына отрешенным взглядом, держа его за руку. Я перебрасывался с Алкоклинником какими-то фразами. Все устали.

Оказавшись дома, мой школьный друг ожидаемо впал в истерику. Он кричал, что мы были не вправе мешать ему закончить эту жизнь, что мы не знаем даже сотой части его проблем, поносил нас с Алкоклинником бранными словами. Тетя Лена крепилась. В какое-то мгновение Ренат заплакал. Не дожидаясь продолжения, Доктор Ака ловко утащил Рената в кухню и закрыл за собой дверь. Оттуда слышался то монотонный рокот Алкоклинника, то хриплый голос Рената.

Когда-то в школе мы были с Ренатом лучшими друзьями. Дни напролет все делали вместе. Он — единственный сын, подавал большие надежды, выигрывал городские олимпиады по математике. Мне до его успехов было далеко. После школы, поступив в медицинский, я окунулся в омут зубрежки. Учеба забирала почти все мое время. С Ренатом мы совсем не виделись. Он, став студентом физмата, проучился до третьего курса, откуда был отчислен за неуспеваемость. Потом его забрали в армию. Служил в погранвойсках на границе с Афганистаном. Там сначала пристрастился к травке, потом перешел на героин. Вернулся домой с полным набором атрибутов зависимого человека. В семье его болезнь

восприняли как трагедию, пытались лечить — безуспешно. Елена Борисовна, мать Рената, прикладывала все силы, чтобы сохранить недуг сына в тайне. Но шила в мешке не утаишь. Отец Рената, не выдержав потрясений, скончался от инфаркта. Мой школьный друг избегал меня, может, стыдился своего порока. Случайно встретив на улице, Ренат совал мне руку и, не вступая в разговоры, сразу же уходил. Я не вмешивался. Бог мне судья.

Примерно через час Алкокlinik вышел из кухни. Подойдя к Елене, он тихо сказал:

— Возьмите все необходимое, я отвезу его в клинику. Вы не справитесь.

Мать покорно поднялась и ушла собираться.

Ренат присел рядом со мной. Он курил дрожащими руками. Я ободряюще хлопнул его по коленке:

— Прорвемся!

— Пошел ты! Что ты знаешь?! У меня ВИЧ. Я проколол все родительские сбережения и машину. Продолжать? — он явно был не в себе.

Усадив Рената в автомобиль, я попрощался, затем вернулся домой. Из зеркала на меня смотрела небритая физиономия с дергающимся веком. Не раздеваясь, я лег на кровать и стал проваливаться в объятия Морфея. В такт пульсу где-то далеко в голове звучала песня Владимира Высоцкого «В палате наркоманов».

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ МЫ СНОВА ВСТРЕЧАЕМСЯ С АЛКОКЛИНИКОМ

Знать тьму внутри себя — лучший способ справиться с тьмой в других.

Карл Густав Юнг

Удивительно солнечным январским утром я вышел из подъезда своего дома в магазин. Впервые за десять дней новогодних дежурств мне удалось выспаться. Настроение било ключом. Мысли агитировали меня податься то в замечательный гастро-бар на Кузнецком мосту, то на лыжную базу в Подмосковье. Вечер сулил сказочное свидание с прекрасной леди, и я соображал, чем бы ее удивить.

Внезапно меня окликнул знакомый с хрипотцой голос. Я узнал Рената. Он малость поправился в лице, его глаза светились давно позабытым мной блеском. Я крепко пожал его длинную ладонь, мы разговорились:

— Не ожидал тебя увидеть, ты как? — спросил я.

— В порядке, дружище. У тебя есть полчаса? Хочу с тобой поговорить.

— Ммм. Да я собирался тут... Хотя, знаешь, пошли! Где присядем?

— Знаю отличное место. Шикарные блины подают.

Ренат повел меня по улицам нашего детства, дорогой разговаривали об одноклассниках. Один женился, другой иммигрировал в Европу, третий стал призером чемпионата России по легкой атлетике. Слушая Рената, для себя я отметил, что последние годы практически утратил связь с товарищами по школе и институту. Он же каким-то чудом сохранял это общение.

Уютное кафе с домашней кухней находилось в пяти минутах ходьбы. Раньше я тут не был. Мы заказали сырники и блины с душистым горным чаем. Я смотрел на моего старого друга и не узнавал его. С последней нашей встречи передо мной сидел иной человек. Ренат начал с извинений:

— Ты прости меня за те слова. Я был совсем развалиной. Такое отчаяние нашло.

— Да брось ты. Я же врач, все понимаю. Главное, что ты жив и бодр! А про тот случай давай забудем. Я звонил потом несколько раз тете Лене, она говорила, что все в порядке, помощи не надо. Как ты выкабался?

— Долго рассказывать. У тебя есть время?

Я кивнул головой, разливая благоухающий напиток по чашкам. Ренат продолжил:

— Ака уговорил меня поехать в клинику. Ты это знаешь. Неделю в детоксе кололи капельницы, я почти не мог ходить. Слабость, боли. Затем понемногу стало отпускать. В палате лежал один такой... Боря. Поделился, что уходит из больницы через пару дней, пригласил к себе домой, сказал, что всегда есть что намотить. Адрес недалеко. В общем, так и вышло, я выбил стекло в подсобке, весь изрезался, спрыгнул со второго этажа и убежал. В трениках и майке. В притоне у Бориса я прожил дней десять. Кололся всякой дрянью. Всем, что давали, не брезговал с одного шприца остатками. Не спрашивай только ничего. Однажды утром проснулся и понял, что умираю. Так мать стало жалко. Да и вроде не жил совсем. Ничего не успел, кроме глупостей. Короче, разревелся. Выбрался из этого шалмана и сам пришел в лечебницу. Рожа и руки в порезах, трясет всего — чудовище. Оказалось, меня в розыск подали. С тех пор твердо решил, что хватит этого позора. Понимаю и принимаю свои болезни. Проживу, сколько Бог отпустит, но сделаю это достойно, без свинства. Поборемся мы, в общем.

Ренат мрачно замолчал. Повисла пауза. Затем он начал светлеть, и я увидел знакомые озорные черты лица, всклокоченные волосы.

— Ты где сейчас живешь? — поинтересовался я.

— Дома, с мамой.

— А на что опираешься?

— Веду здоровый образ жизни, молюсь, работаю, хожу на группы анонимных наркоманов. Это все очень помогает. **Каждый день я начинаю с медитации, стараясь прожить его так, как будто он последний в моей жизни.**

— А где работаешь?

— Устроился курьером. Заказов много, все время в движении, о глупостях думать некогда. Здоровья бегать пока хватает, — поделился Ренат.

— Топишь себя в работе? — поинтересовался я.

— Нет. Это тоже нельзя. Меня научили, что вакуум недопустимо заполнять чем-то одним. Быстро выгоришь, и будет срыв. Кроме работы в церкви помогаю, утром и вечером занимаюсь физкультурой, много читаю. А когда прижимает, меня сильно поддерживает Ака.

Я вспомнил, что неподалеку от нас построили небольшой храм, затем мои мысли переключились на Алкоклинника, которого я не видел вот уже полгода.

— Слушай, Ренат, а вы общаетесь?

— Да, — тут он назвал его по имени. — Он сильно помог мне. Можно сказать, я ему обязан тем, что живой. Кстати, сегодня в четыре я буду на своем мероприятии, Алкоклик тоже будет там. Пойдем? Я приглашаю.

— Дай угадаю, клуб анонимных наркоманов? — спросил я.

— Он самый. Ты был на таких встречах?

— Не доводилось.

— Наверное, тебе это будет полезно. Понимаешь, самый трудный этап проходит отнюдь не в детоксе и не в реабилитации. Выживать начинаешь после нескольких месяцев отказа от наркоты. Когда ты дома, когда дурь доступна, когда тебя некому схватить за руку и удержать от глупостей. Таким, как я, приходится самим справляться с демонами. Товарищи по несчастью очень сильно поддерживают. На этих встречах те, кто держится годами, рассказывают о своем опыте спасения. Это очень мотивирует. Ты можешь задать вопросы тем, кто был на твоём месте много лет назад, и у них получилось все преодолеть и жить трезво. Живой пример, так сказать.

— Ренат, понимаешь, я врач, а не больной. Мои коллеги к вам ходят? — озаботился я.

— Нет, друг. И это очень жаль. Многие твои коллеги считают свою работу оконченной сразу после того, как человека выписывают из больницы. Врачи не очень понимают наркоманов, потому что наш опыт выбираться со дна известен докторам лишь умозрительно. У нас открытая группа, поэтому если ты придешь туда и поделишься тем, что проявляешь интерес к этому делу, я полагаю, товарищи будут приятно удивлены.

— Но ведь Алкокликник посещает это место как врач... — начал я.

— Ты сам у него все спросишь, — отрезал Ренат.

Я колебался между предложением Рената и перспективами заслуженного вечера в обществе очаровательной студентки шестого курса, будущей звезды стоматологии с внешностью античной богини. Наконец, я решительно выпалил:

— Ладно, Ренат. Поехали. Ты прав.

Небольшой зал бывшего дома культуры вмещал три десятка человек самой разной наружности и типажа: пара седовласых солидных джентльменов, мужички неопределенного возраста, похожие на парижских клошаров, женщины в обильных татуировках. Были тут и совсем молодые люди. Вскоре в помещение зашел Алкокликник. Ощущалось, что присутствующие обратили на него особое внимание. Здороваясь, он подошел ко мне, пожал руку и поднес указательный палец к губам:

— Смотри и запоминай. Все потом.

Участники мероприятия расселись по стульям, расставленным по кругу. Доктор Ака занял центральное место и позвонил в небольшой колокольчик. Беседа началась.

— Друзья мои, давайте вспомним тех, кто не дожид до этого дня, кто боролся и не смог, кто лежит в стационарах и реабилитационных центрах. Помолчим и мысленно пожелаем одним покоя, а другим душевных сил и правильного выбора.

В зале повисло молчание. Некоторые закрыли глаза и что-то шептали.

— У нас есть новички? Представьтесь.

Несколько человек подняли руки. Я тоже.

— Вы можете выбрать любое имя. У нас нельзя называть наркотики и говорить о ком-то, кроме себя. Смелее!

Новички по одному называли себя, кратко объясняя, как оказались тут. Кого-то пригласили выздоравливающие приятели, другие сами нашли время и место сбора. Я выступил последним.

— Называйте меня доктор. Я действительно психиатр-нарколог. У меня нет зависимости, но я здесь, чтобы лучше понимать своих больных. Если вы позволите мне остаться, всем это будет на пользу.

Послышались реплики:

— Оставайся, доктор!

— Я не против.

Затем Алкокликник предложил по очереди рассказать свои истории. То, что я слышал, меня не удивляло. Типичный анамнез наркозависимого. Много раз мне приходилось записывать в историю болезни, как мелкая шалость приводила к гигантской трагедии. Один мужчина поведал, что, употребляя двадцать лет наркотики, начал посещать встречи анонимных наркоманов. Он ходил на группы потому, что ему было некуда больше пойти. Это продолжалось около пяти лет. Он ходил и продолжал

колоться. Все считали его безнадежным, но произошло то, что называется чудом. В один знаменательный день он принял решение оставаться трезвым. Сегодня он был чистым около двух лет. Если бы несколько лет назад ему кто-то сказал, что благодаря группам он сможет завязать, он бы в это не поверил.

Слово получили все. И те, кто еще вчера кайфовал под дозой, и те, кто много лет остается чистым. Участники не обсуждали историй друг друга, реакцией на рассказы были аплодисменты. Опытные передавали новичкам листочки с телефонными номерами, предлагая таким образом свою помощь.

Последним выступил Алкокликник:

— Друзья, спасибо, что вы пришли. Сегодня каждый из нас сделал свой небольшой шаг к выздоровлению. В том числе и я. Много лет назад я выживал на улице. Делал это, как мог. Мне приходилось нарушать закон. До сих пор не понимаю, как я не оказался в тюрьме. Стрессы снимал выпивкой. До потери рассудка я не пил, к тому же здоровья было много и меня удивляли рассказы про утреннее похмелье. Затем попробовал «косяк». Потом дело дошло и до инъекций. Мне повезло, я встретил людей, которые дали мне возможность осознать, что я болен и научили помогать самому себе. **Много лет я совершенно чист. Эти годы стали самыми насыщенными и яркими в моей жизни.** За это время я пережил много побед и разочарований. Каждый

день я просыпаюсь с мыслью, что хочу прожить этот день чистым и одухотворенным, готовым принять все, что даст мне судьба. Помогая вам, я двигаюсь вперед по своему пути. Спасибо Богу и вам, сегодня я чистый!

Затем участники прощались, обнимая друг друга, говоря напутствия и благодаря за помощь. Меня удивило, что за встречу никто не сказал ни одного бранного слова. У себя в клинике я видел другое.

Мы вышли с Алкоклинником, сели ко мне в машину:

— Ака, почему ты не позвал меня на такое мероприятие раньше? — поинтересовался я.

— Видишь ли, сюда приходят, понимая, что тебе это нужно. Не надо торопить события. Судьба так устроила, что ты оказался среди нас. Может быть, теперь ты начнешь лучше понимать, кого и от чего лечишь. Если это случится, то ты будешь сильно отличаться от многих наших коллег. Представь себе, есть доктора, которые много десятилетий в профессии. Учат других лечить, но сами не понимают своих пациентов. Мы говорили с тобой об этом. И не один раз. Тогда ты меня не слышал, — спокойно ответил Алкоклинник.

— Уф-ф-ф, мне надо все это переварить. Много информации за день.

— Кстати, о коллегах. Завтра день рождения у нашего дорогого профессора. Поедем поздравлять?

— Боже, я забыл совершенно. Да, конечно. С утра я созвонюсь с кафедрой и узнаю, когда его можно поймать. Нагрянем сюрпризом.

— Договорились!

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ АЛКОКЛИНИК И ПРОФЕССОР

Человек лишь тогда становится мастером, когда понимает, что до конца жизни останется начинающим.

Робин Коллингвуд

На следующий день я дозвонился на родную кафедру, где самая душевная из лаборантов Ксения Ивановна шепнула мне о том, что наш профессор Рыбкин Евгений Петрович на месте и всюду принимает поздравления.

Так уж сложилось, что зачастую люди отдают должное своим учителям один раз — на их похоронах. Мои отношения с профессором были счастливым исключением. Не только в дни рождения, но и по другим датам я заезжал к нему в университет, а иногда он сам звонил мне с мелкими поручениями.

Помню, как много лет назад на первой лекции профессор сгущал краски, придавая своему лицу весьма значительное выражение.

— Вам всем предстоит экзамен по моему предмету. Но сдадут его далеко не все. Принимать этот

предмет буду я лично. И просить вам за себя абсолютно некого, — Евгений Петрович делал долгую паузу, а затем продолжал солидно: — Хотя, есть два человека, по просьбе которых я всегда поставлю трояк. Это ректор — потому что я у него работаю, и моя жена — потому что мне с ней жить. Но оба они страшно не любят меня беспокоить. Так что мотайте на ус и любите мой предмет!

Повадки профессора отпугивали лишь непосвященных. Для нас, кто знал его долгие годы, выходки старого брюзги были лишь маской, за которой скрывался добрый и порядочный человек, большой профессионал своего дела.

Когда-то, лет в сорок-пятьдесят, он дерзал и подавал большие надежды, публиковал прорывные научные труды, удивлял коллег новаторской клинической практикой. Со временем он подостыл ко всему, стал, по собственному признанию, ленив, обзавелся многочисленными учениками, которым время от времени давал поручения той или иной степени бесполезности. Рассуждал в этом случае Евгений Петрович по-житейски:

— Ну чего ему, аспиранту, зря время терять? Девочки (мальчики) в голове до хорошего не доведут. Пускай лучше за книгой (посылкой, банкой меда и тому подобное) съездит.

С этими словами профессор набирал номер телефона и начинал ворчливо «выдавать»:

— Алло! Ты это, как тебя?.. Вы где? Вы будете работать? Слушай, Саша, там надо забрать у человека пакетик для меня, записывай адрес...

Мы встретились с Алкоклинником у входа в родное здание альма-матер. Солидный, как рояль, в костюме и «на галстук», я держал в руках пакетик с подарком из модного бутика. Доктор Ака, деловито осмотрев мой прикид, сказал:

— Ну что, пошли, поздравим Петровича?

— Надеюсь, он в состоянии...

Да. Наш профессор был не чужд того самого зелья. Не замеченный в запоях Евгений Петрович

все же вполне мог накачать свою солидную фигуру бутылочкой хорошего коньяка. От этого он совел и погружался в философские размышления о жизни, судьбе и коварстве обстоятельств.

Мы прошли по знакомому коридору к кафедре, которой были обязаны профессией. Войдя, мы обнаружили, что столы и подоконники помещения уставлены живыми цветами в разнокалиберной посуде. Увидев своих учеников, профессор обрадовался в свойственной ему манере, нарочито грубо обняв каждого и чмокнув в щеку, обдал нас «свежаком». Мельком взглянув на подарки, Петрович потащил меня и Алкоклинника в лаборантскую. Там, среди наглядных пособий, старой мебели и нагромождений литературы, была накрыта уже изрядно поеденная «поляна». Профессор тут же начал кромсать колбасу и прочие нехитрые закуски. Затем он налил себе коньяку, а нам пододвинул бутылку с виноградным соком. Опрокинув в себя «полтинничек», Петрович крякнул от удовольствия, развалился на стуле и начал беседу:

— Устал, братцы. В отпуск мне пора. Целыми днями: лекции, семинары, отработки. Задумал написать большую монографию, заготовками весь стол забит, так ведь некогда! Суетимся, друзья. А времечко-то идет.

— Как мы вас понимаем, Евгений Петрович! То же самое у нас, только не за наукой глохнем,

а за дежурствами. Днями и ночами! Но все равно привлекайте учеников! Мы — ваши муравьи. Давайте вместе что-нибудь напишем. Увековечим, так сказать, мысли профессора Рыбкина в печатном образе, — неосторожно предложил я.

— Вместе, говоришь... А ты попробуй один написать. Твоя последняя писанина — это что? Дипломная работа? Которую я же тебе и правил. Помощи от вас, как от козла молока, — ответил Петрович поморщившись.

Алкоклиник жевал бутерброд, с интересом глядя на нашу дискуссию.

— Дорогой профессор, мы нисколько не преуменьшаем... — начал я объяснять свое мнение, но был прерван Рыбкиным.

— Писать он собрался. А ты что читал последнее? «Интим-газету»? Ну, назови мне хотя бы парочку свежих научных работ по наркологии. Не можешь, потому что не знаешь, — размявшись, профессор начал громить меня уже «по-взрослому». Перебивать его было бессмысленно.

— Я иногда думаю, зачем мы, ученые, тратим жизнь, пишем, доказываем, когда вам, практикам, все это не нужно. Нет, есть отдельные головы. Те — да, на острие прогресса. Но большинство — полный балласт. Лечат, как умеют. Вернее, как получается. Ходите, тычете всем — я доктор, я врач! А кто ты такой на самом деле? Всего-навсего получил с грехом

пополам свой дипломчик и категорию каким-то чудом подтверждаешь. А врач должен всю жизнь учиться! Я тут был на семинаре в области, собрали наркологов. Пospрашивал их немного. Препаратов новых не знают, лечат, как при царе Горохе. Это же кошмар! — распаялся Петрович.

В этот момент Алкокlinik, прожевав бутерброд, подключился к разговору:

— Дорогой профессор, вы бесконечно правы. Но других докторов у нас нет. В какой-то степени мы все ваши ученики. Я имею в виду ваше поколение преподавателей. Советская школа наркологии. Вот как научили, так и работаем. А от качества нашей работы в конце концов зависит здоровье и жизни конкретных людей. Вот и вопрос: что надо делать, чтобы мы работали лучше? — Доктор Ака явно провоцировал Петровича на дискуссию.

— Учиться! — отрезал профессор.

— Согласен. Только у кого учиться? — глядя в упор, задал вопрос Алкокlinik.

— Ты не здоров? Курсы повышения квалификации есть всякие. Литературу выписывай. Со мной почаще общайся, — недоуменно сказал Евгений Петрович.

— А можно поконкретнее? Я бы с удовольствием сходил на занятия к преподавателю, который научил бы меня делать работу лучше, чем я умею. Посоветуйте, куда и к кому сходить. Конкретно. Знаете, профессор, у нас в наркологии плановых показательных

операций не проводят. Получилось откачать пациента, значит, молодец. И этот подвиг никто не увидит. При всем уважении замечу, что вы не практикуете уже лет десять. Вы забыли, что такое нитевидный пульс, предсмертные судороги и срыв после месяца трезвости. Для вас больной — всего лишь статистическая единица. Вы большой ученый и мыслите глобальными категориями. А мы люди маленькие. Нам надо по-простому. Мы должны понимать, что лечим и как лечим. А у нас доктора с учеными степенями считают себя героями, если у них получается снять больному абстиненцию! — высказался Алкокликник.

— Евгений Петрович, а что за новые препараты? Я запишу, — спросил я профессора. Тот сделал вид, что не слышит и потянулся за бутылкой коньяка.

В этот момент в лаборантскую зашел лысоватый мужчина в очках лет пятидесяти. Петрович представил:

— Знакомьтесь, наш новый преподаватель, кстати, мой аспирант — Сергей Сергеевич Рябов. А это, Сергеич, мои ученики! Мучают старика, наглецы.

Мы обменялись рукопожатиями. Наливая себе рюмку, вошедший поинтересовался, о чем беседа.

— Да вот, Сергей, жалуются, что учиться им не у кого, — ответил Петрович.

— Как? А вы, профессор? Мы все у вас учимся, — с явным подобострашием подлил масла в огонь спора Сергей Сергеевич.

— Слушайте, вопрос не в этом. Ака дело говорит, — вступил я в разговор. — Не знаю, как в других отраслях, но в наркологии вместо учебы одна формальность. А доктору сначала бы привить мысль о том, что он должен лечить, а не продлевать болезнь. Объясню. Приехал я к пациенту. Похмелье у мужика. Пятые выходные подряд меня к себе вызывает. Я ему капельницу делаю, через два часа — он розовый и бодрый. Благодарит, денежку дает: спасибо, доктор, имейте в виду — на следующие выходные опять позову лечить! Добрым доктором меня называл. Три года так к нему ездил. А недавно узнал, что тот пациент умер по пьянке. Так вот помог я ему или нет? Лечил я его или продлевал ему болезнь? — задался я вопросом.

— Ты философию тут не разводи! Есть стандарты. Вот и делай, как положено по стандартам! А, Сергеич? — Петрович обернулся к своему аспиранту.

— Вы совершенно правы, Евгений Петрович! Здоровье пациента — это его дело. Хочет пить, значит, пьет, насильно никто ведь не принуждает. Наше дело — купировать синдром, — прошелестел Рябов, наливая себе вторую рюмку.

— Вот ты говоришь, давайте мы напишем, — вспомнил профессор. — А время-то у тебя на это есть? Сами же жалуетесь, что круглосуточно на дежурствах. И доводы эти ваши, что учиться вам

не у кого, — от выгорания. Устали вы, друзья. Так что не валите с больной головы на здоровую!

— А я выгораю, Евгений Петрович? — недоуменно спросил я.

— Естественно. Мы ведь имеем дело с болезнями. **Человеческое горе, как наждак, или огрубит тебя, сделает невосприимчивым к страданиям других, или погонит прочь из профессии.** Ты думаешь, почему я ушел в науку? А лет через пять вернулся, но уже как сотрудник кафедры. Передохнул, — задумчиво произнес Петрович.

Сергей Сергеевич, выпив еще одну рюмку коньяка, в беседу более не вступал.

— Профессор, пускай каждый останется при своем мнении. Но я очень хочу пообщаться с коллегами, у которых есть чему поучиться. Посоветуйте мероприятие, пожалуйста, — примирительно сказал Алкокликник.

— Ну приходи через неделю, у нас на кафедре будет круглый стол. Как раз проблемы наркологии пообсуждаем. Участники интересные, клиницисты. Все, как ты любишь, Ака. Послушаешь и сам поделишься с коллегами, — как ни в чем не бывало сказал Евгений Петрович.

Я посмотрел на нашего Евгения Петровича и вдруг понял, как быстро течет время. Возраст и жизненные передряги не оставили на его голове ни одного темного волоса, морщины изрезали лицо,

он сильно постарел. Вспомнив, как Петрович налегает на коньяк, я почему-то подумал, что каждая такая встреча может оказаться для нас последней. В душе всколыхнулось беспокойство. Возникла неловкая пауза. Я решил ее прервать.

— Мы тут забыли, зачем пришли, профессор! — начал я, символически поднимая пластиковый стакан. — Вы — важный человек в нашей жизни, мы обязаны вам пропуском в профессию. И не только. Когда у меня возникают трудности, я часто думаю: как сделал бы Евгений Петрович, будь он на моем месте? Будьте здоровы, дорогой, долгих вам лет жизни!

Алкоклиник, усмехнувшись, потянулся к тостующим своим соком.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ АЛКОКЛИНИК СПОРИТ С КОЛЛЕГАМИ

Врачи удивляются, как при таком лечении больные еще живы. Больные удивляются, как при такой зарплате еще живы врачи.

Михаил Жванецкий

Как и обещал Петрович, через неделю мы с Доктором Ака были приглашены на кафедральный круглый стол. В просторной лекционной аудитории собралось что-то около полусотни участников. За столами сидели маститые ученые, начинающие аспиранты, чиновники от медицины, главные врачи психиатрических стационаров и вчерашние студенты. В импровизированном президиуме восседал Рыбкин. Приветствуя участников, Евгений Петрович отметил, что наркология является специфической отраслью медицины, где болезнь имеет серьезные социальные корни. В свойственной себе манере профессор топил за правильную маршрутизацию лечения, раннюю профилактику зависимостей, а также убеждал в необходимости повышения квалификации медицинского персонала. Затем выступали практики, им

задавали вопросы. В зале разгорелась жаркая дискуссия на профессиональные темы.

После окончания круглого стола Евгений Петрович подозвал меня и Алкоклинника к себе.

— Ребята, пойдем посидим часок узким кругом. Заодно поближе с коллегами познакомитесь.

На кафедре пили чай четверо совершенно разных людей. Не задумываясь, каждого из них я наделил прозвищем. Слева от меня сидел высокий лохотеный мужчина средних лет, в дорогом костюме и обуви из крокодила (Барон). Справа швыркал из кружки хмурый толстячок в очках (Винни-Пух). Напротив разместились пенсионер в клетчатом пиджаке (Старый) и улыбчивый юноша (Молодой). Мы поприветствовали друг друга и познакомились. Имен, впрочем, я не запомнил.

Как главный за столом Петрович рассказал анекдот:

На приеме в наркологическом диспансере пациент обращается к доктору:

— *Мне срочно нужна ваша помощь. Я в запое!*

— *Да? Кем вы работаете?*

— *Я психиатр-нарколог!*

— *Странно. Чего ж вы сами себя не лечите?*

— *Я беру слишком дорого.*

Все посмеялись шутке, а Барон заметил:

— Евгений Петрович! Ну прямо про меня рассказали!

— Часто ходите кодироваться? — поддел его Старый.

— Нет, просто мой прием стоит больших денег, — чванливо изрек Барон.

— Коллега у нас владелец собственной наркологической клиники, — прокомментировал профессор.

— Я бы сказал, потенциальный работодатель, друзья мои, — добавил Барон пафосно.

— А я вот никогда не пойду работать на частного! — заявил Винни-Пух.

— Почему, дорогой? — не понял Алкокlinik.

— Ну как... Я считаю, что частная наркология — это сплошное надувательство и выкачка денег, — продолжал Винни-Пух.

— По-вашему, государственная медицина лучше выполняет свою функцию? — продолжил дискуссию Алкокlinik.

— А чем она хуже ваших хваленых частных клиник? — запальчиво вставил толстячок.

— В частной наркологии доктор заинтересован в клиентах, поэтому старается, а в районных и городских больницах всем на всех наплевать. К тому же условия стационаров почти тюремные, — парировал Доктор Ака.

— Знаете, — вступил в разговор Старик, — я начинал психиатром еще в семидесятые годы. Тогда алкоголиков и наркоманов массово лечили в ЛТП, то есть в лечебно-трудовом профилактории. Слышали про такое, молодежь? Засунут пьющего человека на пару лет за забор и держат. Лечения никакого, но заставляют трудиться. Попробуй откажись. Сбежишь — поймают и дадут срок. Но уже тюремный. Кстати, пить и колоться после ЛТП бросали довольно редко. Выйдет такой пациент — и снова за старое.

Зато государству дешево и выгодно. Алкоголик же приносил доход в казну. Сейчас, конечно, больных за забор не гонят, но условия лечения особо не изменились. И это надо признать.

— Ну что за крайности, коллеги!?! — попытался смягчить профессор. — Могу согласиться, что **эффективность изоляции пациента была и остается низкой. Зависимому человеку нужно не только медикаментозное лечение, но и длительная поддержка психотерапевта, реабилитация и ресоциализация.** Одной решеткой его не вылечишь.

— Позвольте, Евгений Петрович, — в беседу вступил Молодой. — Я был на стажировке в Европе, в Штатах. Там вообще нет такой специальности, как нарколог. Психиатры занимаются только психами. А зависимые — это работа аддиктологов. Не важно, от какого вредного влечения страдает пациент. Психические механизмы аддикции у алкоголиков, наркоманов, сексоголиков и обжор — одни. И всем им нужно не только медикаментозное лечение, но и длительный контролируемый выход из зависимости.

— Напридумали модных слов, аддиктологи какие-то, — проворчал Винни-Пух.

— Коллеги! Давайте называть все своими именами, — не выдержал я. — Частная медицина всегда ориентирована на клиента. У нас нет государственного финансирования и всяких там квот. И в этом

есть как положительные, так и отрицательные аспекты. С одной стороны, в наших частных клиниках и реабилитационных центрах созданы более комфортные условия для содержания и лечения больных. Однако все это требует денег! И немалых. Вот и разгружаются семейные бюджеты на неслабые суммы. Но людям надо помогать, и в этом частная медицина однозначно лучше!

— Какой пафос, однако, в ваших словах, — насмешливо произнес Барон. — Позвольте спросить, вы правда считаете их людьми?

— Кого считаю? — не понял я.

— Пьяниц и наркоманов. Чего тут непонятного? — продолжал человек в ботинках ценой в мою месячную зарплату.

— А почему бы их не считать людьми? В конце концов мой врачебный долг...

— Бросьте демагогией заниматься, коллега! — прервал меня Барон. Он посмотрел на несколько шокированную аудиторию и продолжил: — Все наши пациенты — самоликвидаторы. Они избрали свою дорожку к смерти. Не вам решать за них. Но от этого есть польза. Они платят! И, как видите по мне, — весьма достойно! — Барон поправил свой галстук с золотой застёжкой.

— Коллега, видимо, рассматривает медицину как машинку для печатания денег, — едко заметил Алкокlinik.

— Я деловой человек. Я делаю деньги. И как видите, весьма немалые. Вы этим похвастаться не можете! — с вызовом ответил Барон.

— Наверное, покажусь вам наивным, но я считаю, что **врач должен думать о деньгах в последнюю очередь. Врач — самая гуманная профессия в мире.** Этому учат на первом курсе мединститута. Не так ли? — продолжил Доктор Ака.

— Ага! Эмпатия, терпение, толерантность, сочувствие, деонтология, этика! Слышали, слышали, — делано насмешливо отмахнулся Барон.

— Хорошо, спрошу по-другому. Вам не кажется, что даже с позиции бизнеса важнейшее качество продаваемых медицинских услуг — это их доступность и качество, а не высокая цена? Вы не задумывались, что своими чеками вы лишаете помощи тех, кто не нажил миллионов? Или вы будете убеждать нас в том, что за свой «оверпайс» вы даете пациентам что-то совершенно особенное? — глядя в упор на собеседника, спросил Алкокlinik.

— Не вам давать оценку услугам моей клиники! Завидуйте молча, — начал закипать Барон.

— Я вот что вам отвечу: у настоящего профессионала проблем с деньгами не будет никогда, а благодарные пациенты дадут денег больше, чем ожидал, — закончил свою мысль Доктор Ака.

— Повторяю, оставьте свои проповеди! Богатые от бедных отличаются только количеством де-

нег, которые они готовы отдать за надежду быть здоровыми. Конец у тех и других один — тюрьма или могила! — рассердился Барон.

— Да уж, коллега, — прищурившись, произнес профессор. — Как-то цинично звучит из ваших уст...

— А как оно должно звучать? Зачем нам, психиатрам, лицемерить между собой? Напомню вам, Евгений Петрович, что за две тысячи лет нашей с вами психиатрии врачам не удалось исцелить ни одного психически больного. Добились ремиссии — и хорошо! — заявил Барон.

— Меня часто привлекают экспертом. Следователи. По делам о смертях. Во всех случаях одно и то же: врачи частных клиник пичкали пациента лекарствами больше, чем надо, чтобы чек вышел подороже! У него сердечко ни к черту, а ему — седативное вкалывают! И еще всякой дряни до кучи. Вот вам и труп. Врач становится убийцей! Что вы на это скажете? — разозлился Петрович.

— Ну от ошибок в нашем деле никто не застрахован, — пошел на попятную Барон.

— От ошибок или от невежества? Рано или поздно для жадного неуча все может закончиться тюрьмой! — злобно просопел Евгений Петрович.

— А вы, простите, ординатуру по психиатрии где заканчивали? — с ехидцей осведомился у Барона Алкокlinik.

— Я... Вообще-то я венеролог. Но прошел переподготовку... — заерзал Барон.

— Все с вами понятно. А вы как считаете? — Алкокликник обратился к Винни-Пуху.

— Я десять лет был врачом на скорой и столько же тружусь в наркологии, — спокойно произнес толстяк. — Так вот, за эти годы я понял, что в России нельзя зарекаться ни от тюрьмы, ни от больницы. Беда настигает неожиданно. Как я отношусь к своим больным? Мне не важно, с травмой он или с запоем. Я считаю каждого из них пациентом. И мое дело лечить без оглядки на толщину кошелька или количество грехов. Не поверите: за все годы ни одного рубля у пациента не попросил.

— Согласен, коллега, — поддержал Винни-Пуха Молодой. — Ваше подвижничество заслуживает уважения. Но для меня каждый случай — это прежде всего предмет научного интереса. И я готов к экспериментам. В конце концов все достижения медицины лежат через кладбища пациентов.

— Внедряете передовые методики? — задал я вопрос Молодому.

Тот поправил очки и улыбнулся.

— Видите ли, алкоголизм и наркоманию всегда лечили через снятие физических симптомов. Немного позже люди подметили, что даже если человека изолировать, тяга к заразе не исчезает. Так появились религиозные секты типа анонимных наркоманов и алко-

голиков. Потом религия ушла, а сообщества остались. Но процент рецидива остается весьма высоким. Короче, я понял, что изгнать зависимость нельзя, ее можно только заменить. Надеюсь, в этом нам помогут бурно развивающиеся технологии. Вы же знаете, как сейчас люди попадают в зависимость от социальных сетей. Сутками там торчат. Вот то же самое я планирую адаптировать под алкоголиков и наркоманов. Создать им виртуальных суперспонсоров с искусственным интеллектом. В конце концов не такая уж и сложная человек система, чтобы нельзя было ее взломать и подчинить. Поставить, так сказать, под цифровой контроль.

— О как! — удивленно крикнул я. — Хотите манипулировать больными людьми?

— Называйте это как хотите. Но если есть эффективный метод избавления от зеленого змия — я обязательно его найду, — сверкнув очками заявил Молодой.

— Где-то я это читал, — произнес Алкокликник. — У Джорджа Оруэлла, по-моему. Не получится, дорогой мой! Люди — это вам не собаки, чтобы их дрессировать.

— Ошибаетесь, коллега! — возразил Молодой. — Иван Петрович Павлов доказал обратное. Условные рефлексы — великая сила.

— Скажите, а как часто вы бываете в тех анонимных клубах, о которых говорите? — обратился я с вопросом к Молодому.

— Никогда не бывал. И не планирую, — ответил тот.

— А вы, уважаемый? — я перевел взгляд на Барона.

— У меня есть, чем заниматься, кроме как по этим сходкам бродить.

— Вы тоже не бывали? — спросил я Винни-Пуха.

— Мне там нечего делать, — спокойно ответил толстячок.

— Вы кушайте, кушайте, — вдруг засуетился профессор, всем видом показывая, что время чаепития истекло и пора бы всем расходиться. — Какая у нас интересная беседа сложилась. Надо почаще мне встречаться с практиками. Столько нового услышал...

Мы попрощались с Алкоклинником там же, где встретились. Он скорым шагом направился в сторону метро, а я, полный мыслей, неспеша поковылял по зимней улочке. Ведя дискуссию с самим собой, я вдруг четко осознал, как далеки те, кто лечит алкоголиков и наркоманов, от них самих. Я понял глубину профессионального цинизма некоторых моих коллег к своим пациентам. Наживаться на болезнях, делать карьеру по трупам... В голове всплыли библейские слова: *и предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость. Узнал, что и это — томление духа. Потому что во mnogой мудрости много печали. И кто умножает познания,*

умножает скорбь. Я поправил шапку и, ускорив шаг, устремился к дому.

Собирая на стол поужинать, я включил телевизор. В эфире шел очередной выпуск известного ток-шоу. Участники эмоционально обсуждали главного героя передачи — мужичонку, страдающего алкоголизмом. Внезапно ведущий передал микрофон Барону. Я заинтересовался. Тот начал рассказывать о своем сердце, измученном состраданием к алкоголикам. Под аплодисменты аудитории Барон заявил, что готов бесплатно лечить главного героя в своей клинике. Завладев эфиром, Барон начал рассуждать о том, что самый опустившийся человек является личностью, имеющей право на второй шанс. Я с отворачиванием выключил телевизор.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ АЛКОКЛИНИК ЗНАКОМИТ МЕНЯ С КОЛЛЕКТИВОМ

*Разрозненные рабочие — ничто.
Объединенные рабочие — все.*

Владимир Ильич Ленин

Алкоклиник не раз выручал меня делом. В студенчестве он ссужал меня рублем, не спрашивая, когда я смогу отдать долг. Я никогда не интересовался, как и сколько он зарабатывает и на что тратит. Сам же Алкоклинник об этом не распространялся.

— Деньги любят тишину! — поучал он.

— Конечно, когда они есть, — иронизировал я в ответ и тут же наткнулся на его шпильку.

— А ты попробуй помолчи, вдруг появятся.

И вот опять добрый Ака пришел на выручку, когда я уволился с прежней работы. Причин этому было немного, но каждая из них стоила того, чтобы написать заявление. Постоянный обман при начислении зарплаты, хамство администрации и откровенная профанация лечения. К тому же с практикой я все больше и больше убеждался в своем желании исцелять людей, а не помогать им болеть.

Прожив две недели без доходов и не найдя подходящей вакансии, я набрал знакомый номер телефона.

— Привет, Ака! Ты с безработными разговариваешь?

— Здравствуй, друг! Со всякими разговариваю. Знаю, что теперь ты вольный художник. Есть мысли по новой работе?

— Да вот хотел у тебя попросить совета, — закинул я удочку.

— Давно пора. Давай к нам. Клиника небольшая, но условия хорошие. Ты приходи, все сам и увидишь, — он продиктовал время и адрес.

Я вдруг подумал, что за годы нашей дружбы ни разу не слышал от Алкоклинника, где он работает. Теперь же он приглашал меня к себе. Это становилось интересным.

На следующий день я приехал по указанному адресу на другой конец Москвы. Проход к двухэтажному кирпичному зданию преграждала запертая калитка. Вывеска гласила, что за воротами находится наркологическая клиника. Я позвонил Доктору Ака. Через несколько минут тот вышел и встретил меня.

Проходя по коридорам, я с удивлением отметил небольшие, но уютные помещения, обставленные относительно новой мебелью. На гладких стенах была развешена наглядная агитация. Мы вошли

в кабинет главного врача. Там по телефону разговаривал солидный крупный мужчина в очках. Он махнул нам с Алкоклинником, мол, садитесь, сейчас закончу — переговорим.

Главный врач, Сергей Семенович, принял меня тепло. По-отечески расспросив об опыте работы, он предложил мне место в одном из отделений, посулив солидные бонусы за усердный труд. Затем он пригласил меня напитаться атмосферой клиники на общем собрании коллектива. Я согласился.

Когда мы вошли в наполненный сотрудниками актовъ зал, Алкокlinik сел на заднем ряду и предложил мне место возле себя. Я сразу отметил, что люди в белых халатах сидели среди других сотрудников, облаченных в обычную одежду. На мои вопросы Алкокlinik негромко пояснил, что вместе с медицинским персоналом разместились психологи и волонтеры. Так я понял, что в здании располагается еще и реабилитационный центр. Интересная затея — лечить и возрождать людей в одном месте, — подумал я.

Сергей Семенович начал мероприятие с текущих вопросов. Точечно обсудив их с руководителями служб, он перешел к обсуждению недостатков работы.

— Коллеги, мы много раз говорили о недопустимости провокационного поведения. Руководству клиники поступили сигналы. Сейчас я обращаюсь

к одному из наших коллег. Считаю неправильным, когда врач-нарколог приходит на работу с «выхлопом». И это не первый случай. Я крайне сожалею, что устные увещания не действуют, — пристально посмотрев в зал, сказал главный врач.

— Сергей Семенович, кого вы слушаете? — эмоционально начал высокий мужчина в белом халате, видимо, провинившийся. — Это такое неуважение к врачам. Я знаю, кто и что вам шепчет. Сначала пусть получают высшее медицинское образование, станут уважаемыми людьми, а уж потом позволяют себе пасквили.

— Иван Михайлович, если вы хотите обсудить этот вопрос, то предлагаю сделать это в моем кабинете! — спокойно ответил главный врач, закачивая совещание.

После я с Доктором Ака вновь оказался в кабинете Сергея Семеновича. Там находились двое тогда незнакомых мне людей. Провинившегося врача не было. Пока главный врач знакомил меня с коллегами, в дверях появился Иван Михайлович. Сергей Семенович попросил его подождать минуту, на что тот ответил:

— А чего мне ждать? Вы хотели поговорить, я пришел. А от коллег-медиков у меня секретов нет, пусть слышат!

Главный врач нахмурился, показал ему жестом на стул и после недолгой паузы ответил:

— Иван Михайлович, вы у нас работаете недолго, и я не вполне знаю вас, но скажите мне, все это — неправда?

— Смотря, что называть правдой. Я вам не пьянь и знаю свою меру. И к моей работе, насколько мне известно, нареканий нет. Почитайте, что пациенты пишут в отзывах на сайте клиники. Ни одного плохого слова. А кое-кому стоит получше посмотреть за собой, а не за коллегами, — он показал рукой куда-то влево.

— Коллега, вы приходите на работу в наркологическую клинику с запахом алкоголя. Причины никого не волнуют. День рождения, поминки или скука смертная — вы взрослый человек и сами решаете, как себя вести. Но вы врач и провоцировать своим примером больных мы вам не позволим. Я не называл вашей фамилии, потому что не хотел вас позорить. Но вы сами поднялись и возражаете, значит, вы понимаете, о чем идет речь, — сказал Сергей Семенович, теряя терпение.

— Мне пациенты говорят: попросите доктора, чтобы не пил. Это же позор! — добавил коллега-доктор с окладистой бородой.

Второй незнакомый мне тогда врач в очках-пенсне присоединился:

— Уважаемый Иван Михайлович, мы много лет боремся с этой проблемой. Наши психологи и волонтеры своим примером пытаются воодушевить

пациентов отречься от спиртного. Вы этой работы не видите, но поверьте, когда врач дышит спиртным, весь труд насмарку. Из спасителя для них вы превращаетесь в искусителя!

— Есть жалобы по выездной службе. Наш дорогой доктор совместно с больным употребил коньяк после того, как тот отказался от лечения. Это же анекдот какой-то, — добавил главный врач.

Тут слово взял Алкокlinik.

— Иван Михайлович, ваше отношение к коллегам возмущает. Откуда столько высокомерия?

— Кого вы называете коллегами? Бывших пациентов? — с усмешкой спросил тот.

— Все верно. Именно их. Не надо морщиться. Результат совместной работы — выздоровление больного. После детокса, знаете ли, этого не происходит. Не надо считать себя героем! Вы делаете свое дело только на первой стадии процесса. Затем приходит очередь тех, кого вы не хотите считать коллегами. **У них работа измеряется не часами и не сутками, а месяцами и годами,** — продолжал Алкокlinik.

— Ну и пусть работают, я ж им не мешаю! Чего за мной-то подглядывать? — нервно возразил Иван Михайлович.

— Дорогой наш! Зачем вы кипятитесь? Они же говорят — вы делу мешаете. Вам никто не мешал, а вы создаете препятствия. Провоцируете больных, — возразил Алкокlinik.

— И наносите репутационный ущерб клинике! — вставил главный врач.

— Иван Михайлович, обратите внимание на коллектив. Он сложился не вчера. Мы долго притирались друг к другу, искали общий язык и общие ценности. И мы их нашли. Здесь все единомышленники. И вам мы объясняем эти вещи, поскольку допускаем право каждого человека на ошибку. Вы — грамотный врач. Это никто не оспаривает, но ваши представления о деле, которым мы все тут заняты, неверные. И есть желание не только поправить ваши заблуждения, но и помочь вам, — терпеливо продолжал Доктор Ака.

— Мне помочь? Чем? — опешил Иван Михайлович.

— Позвольте мне, коллеги, — взял слово главный врач. — За недолгий срок работы здесь вы несколько раз пришли с явными признаками перепоя. Из этого я делаю вывод, что вы выпиваете на систематической основе. И речь идет не о бокале сухого вина перед ужином. Как грамотный доктор вы знаете, какие бывают стадии алкоголизма и как к своей болезни относится больной. Он ее отрицает. Но болезнь либо есть, либо ее нет. И ваше мнение эту болезнь волнует мало.

— Я вам не мальчик, чтобы так со мной разговаривать! — повысил тон Иван Михайлович.

— Послушайте, коллега, у нас именно потому и здоровый коллектив, что мы не стыдимся обсуж-

дать проблемы, даже если они касаются нас лично. И если я буду вести себя некорректно, поверьте, коллектив мне на это укажет. Я предлагаю вам помощь. Здесь многие сталкивались с подобными проблемами. Как видите — сейчас они здоровы. Отбросьте ваши амбиции и соглашайтесь!..

На пути из клиники я много думал. На прежних моих местах каждый был сам за себя. Я, кажется, привык к атмосфере сплетен и интриг медицинских учреждений. И хотя всегда старался не вмешиваться в дела очередного серпентария, время от времени иглы интриг доставали меня с той или иной степенью болезненности. То, что я увидел сегодня, без сомнения, поколебало мои представления о частных клиниках. Мне не удалось вспомнить, чтобы провинившегося сотрудника кто-то и когда-то уговаривал изменить свое поведение и тем более предлагал помощь. Все конфликты между работниками и начальством, которые я видел, всегда заканчивались одной формулировкой: «уволен»! В таких случаях я всегда думал, что у нас никто никому не нужен. Я сам не стал исключением, когда мне указали на дверь при первых возмущениях на счет несправедливого начисления зарплаты.

Меня вдохновляла мысль о скорых изменениях в моей жизни. Мне захотелось стать частью большой миссии. Я понял, насколько многому мне предстоит научиться и как много я смогу сделать.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ КСЕНОН. ПИКЕ

*Человек, не перегоревший в аду
собственных страстей, не мо-
жет их победить.*

Карл Густав Юнг

Одним тоскливым осенним днем после обеда Алкокликник застал меня в ординаторской. На улице моросил дождик. Я, закопавшись в бумагах, под светом настольной лампы разбирался с накопившейся писаниной. Стопками на моем столе лежали истории болезни, справки, прочие документы. Какое-то время проработав в коллективе, куда привел меня Доктор Ака, я стал отмечать перемены в моем сознании. Эти люди научили меня быть терпимее, внимательнее к пациентам, окончательно сбили с моей головы и без того невеликую корону. Чтобы лучше понимать больных, которых я хотел сделать здоровыми, мне приходилось многому учиться у коллег.

Алкокликник присел на стул возле меня и негромко сказал:

— Петрович звонил, очень просит встретиться.

— А что у него случилось? — не отрываясь от бумаг, спросил я.

— Да вроде жив и здоров. У телезвезды проблемки. Помнишь, на юбилее встречались?

— Вот как... У него же своя клиника? — удивился я.

— Ну или клиника не так лечит, или проблема не по части клиники. В общем, поехали. Если ты закончил, конечно, — в свойственной себе манере предложил Доктор Ака.

— Да, сейчас допишу. Ради Петровича я в любую избу готов!

В половине пятого мы с Алкоклинником сидели на уютной кухне в сановой квартире нашего учителя. Тот был совершенно трезв и, как мне показалось, несколько смущен. Обменявшись дежурными вопросами и ответами, Петрович подошел к главному:

— Ребята, помните, на круглом столе я вас познакомил с человеком? — тут он назвал его по имени.

— Да, помню, на барона похож! Гуманист в крокодиловых сапогах, — усмехнулся я.

— Работодатель-шоумен, — подсказал Доктор Ака.

— Да-да, верно. Пусть будет Барон. Так вот, года три назад наш аристократ, любитель пациентов, совсем извел себя в погоне за золотым тельцом. Тогда он особенно активно раскручивал свою клинику. Знаете ли, обычная история трудоголика от коммерции, у которого получается зарабатывать лучше, чем он рассчитывал. За это Барон заплатил тем,

что перестал нормально спать, сломал свой график дня, насытил себя стрессами в семье и на работе. Короче, Барону потребовались, как мы любим говорить, костыли. К алкоголю и наркотикам, естественно, он всегда относился с изрядной долей презрения, а выдохнуть ему хотелось. Это на людях Барон кажется человеком высокомерным, на деле он весьма ранимый персонаж. И многое из его показного снобизма — маска. Обычное дело, друзья мои, — повесил паузу Петрович.

— В церковь, к психологам Барон ходит? — прервал я общее молчание.

— Не знаю, что там у него на счет взаимоотношений с Создателем, но о психологии мой ученик всегда высказывался как о псевдонауке, а о психологах — как о проходимцах. Вряд ли обращался к ним, — ответил Евгений Петрович и тут же продолжил: — Года три-четыре назад знакомый анестезиолог посоветовал нашему светлейшему попробовать курс ксенона. Так сказать, полечить себя благородного благородным. Вроде бы инертный газ, который много лет в медицине используют не только для наркоза, но и для восстановления сил и преодоления стресса. Наш Барон подумал-подумал и согласился на свою голову. Короче, понесла нелегкая его, — вздохнул Петрович.

— Джентльмены выбирают, что подороже, — заметил Алкокlinik.

— Да, да, дорогая штука. Вы знаете, где ее добывают? Не поверите — в газовых отходах на старых сталелитейных предприятиях, — продолжил профессор. — Ректификация! Принцип сепарации точь-в-точь как в самогонном аппарате.

— Знакомые термины! — улыбнулся Доктор Ака. Профессор ухмыльнулся, швыркнул чаем и перешел к главному:

— В общем, коллеги, он начал со скромных доз. Пара литров за сеанс. Но действие ксенона так удивило нашего друга, что он не смог остановиться. Он делился со мной, что после сеансов стал ощущать себя волшебным. Расслаблялся, зрение становилось острым, восстанавливался сон, потенция становилась как в пубертатном возрасте. Я предупреждал Барона, что за этими физиологическими эффектами стоит истощение организма, что нельзя злоупотреблять, но он и слушать не хотел!

— **К сожалению, от ядерной эйфории оторваться практически невозможно.** А какие зрительные галлюцинации!.. — констатировал Доктор Ака. — Я знаю. Этот газ влюбляет в себя. У меня был опыт, грешен. Какое-то время я даже был одержим сверхценной идеей, что ксенон — это величайшее благо, доступ к которому имеют только элиты.

— Потребитель допинга, ощутив эйфорию, не может быть критичен к своему поведению, — вмешался я.

— Хуже того, после употребления ксенона пару недель, а то и больше человек находится под его воздействием и как чуму гонит крик подсознания, что сеансы повторять нельзя! Ксенон практически не оставляет в организме следов, и если ты явно не косячишь с дозировкой, то сам себя начинаешь убеждать, что последствий, кроме пользы для твоего здоровья, не будет. А тем временем ксенон наступательно истощает твою нервную систему, — он смолк на мгновение, затем добавил: — Мне повезло, деньги закончились. И меня отрезали от клапана. Ксенон — поистине наркотик XXI века. Они от чего чаще всего гибнут? Засыпают в закрытом контуре. Высокая концентрация газа сохраняется — и приехали! Их так и застают: труп лежит в маске на спине, фильтр контура — синий. Не смерть, а конфетка.

Я большими глазами посмотрел на Доктора Ака, затем повернул голову на профессора Рыбкина. Тот понимающе качал головой и с печальной усмешкой заметил:

— Да, если бы среднестатистические граждане могли себе такое позволить. Для нас, кто из народа, рюмочка — наше все. Вдруг профессор насупился:

— Раньше Барон принимал газ под контролем врача в своей клинике, а на прошлой неделе он устроил себе домашний марафон на полторы тысячи литров. Закрылся в кабинете. Понятно, что за ним никто не следил и его ни в чем не огра-

ничивал. Мне его супруга позвонила, все рассказала. Забрала детей и уехала к матери. За это время мозг Барона окончательно истощился, и эйфории у него больше нет. К тому же, когда поставщик газа все это увидел, то в дальнейших поставках ему отказал: трупы никому не нужны. Вот и поймал наш Барон депресняк и все, что с ним связано. В общем, надо помочь, — закончил Евгений Петрович.

— А вы знаете, как его лечить? — спросил я.

— Понимаешь, собственно, почему я и обратился. Это не абстиненция, не похмелье. Какими препаратами тут действовать, наукой не описано, но я надеюсь на нашего Ака. Он все это проходил и, как видишь, живой. Поедемте друзья, не будем терять время! — подытожил обсуждение Петрович.

Преодолев вечерние столичные пробки, мы долго катили на машине Алкоклинника по загородному шоссе. Ночная дорога привела к вычурному пропускному пункту элитного коттеджного поселка. Доктор Ака вылез из машины и, потолковав минуты три о чем-то с охранником, вернулся за руль. Проехав под поднятым для нас шлагбаумом, метров через триста машина остановилась перед изгородью большого двухэтажного дома, стилизованного под какой-то английский замок. Около ворот нас встретил угрюмого вида мужчина в строгом костюме, оказавшийся водителем Барона. Узнав профессора, тот поздоровался и повел нас в дом.

Преодолев что-то вроде сквера с бассейном, мы оказались внутри замка. Проходя по гулким залам, я ощутил себя в музее искусств. На стенах висели большие и малые картины в тяжелых рамах, на блестящем паркете лежали ковры. По комнатам была расставлена мебель в стиле барокко. Цвета и расцветки большей частью были золотыми и блестящими. Все было пронизано кричащей роскошью.

— Нравится домик? Стоит как годовой бюджет небольшого города, — пошутил Петрович.

Водитель провел нас в спальню на втором этаже. Я обратил внимание, что в углу комнаты лежало несколько баллонов черного цвета, стоял дыхательный контур со сдутым мешком. Возле входной двери покоился разбитый венский стул. Окна были наглухо зашторены. Перед нами на измятой кровати под собственным сановным портретом в золотой раме в одних трусах сидел Барон. С момента нашей встречи он болезненно похудел, на левой скуле светилась ссадина. В тусклом свете настенных светильников Барон казался постаревшим и истощенным. Махнув головой в ответ на наши приветствия, Барон устался в какую-то тетрадку.

Профессор засуетился:

— Как самочувствие, дорогой?

— Спасибо, я в порядке... — неопределенно ответил Барон.

Алкоклиник бесцеремонно начал осматривать хозяина дома. Из чемодана Доктора Ака были извлечены стетоскоп и тонометр.

Оставив всех в спальне, я с водителем пошел на кухню. Примерно через полчаса мы все вместе пили крепкий черный чай с обнаружившимися в доме печеньками. Барон спокойно рассказывал:

— Честно говоря, сложно собрать мозги в кучу. Со всем я чего-то без моего ксенона отупел. Может, есть вариант у вас достать? Мне хотя бы пятьдесят литров.

— А хватит-то для прихода? — сыронизировал Доктор Ака.

— Слышишь, ты! Я не алкаш и не торчок! Не надо со мной так разговаривать! — почти крикнул Барон на Алкоклинника.

— Точно не торчок? — спросил я, вызывая огонь собеседника на себя.

Барон метнул на меня полный злобы взгляд, но ничего не ответил. Желваки Барона заходили ходуном.

— Ты своим пациентам тоже ксеноновую терапию предлагал? — поинтересовался профессор.

— Только тем, кто может себе это позволить, — заносчиво ответил Барон.

— А ссадина откуда? — осведомился я.

— Доктор мой дыхательную маску у меня отбирал, а в баллоне еще оставалось... — внезапно устыдившись своей агрессии ответил Барон.

— Давно тут живешь? — начал дознание Ал-
кокlinik.

— Пять лет назад я купил этот дом для семьи.
У меня четверо детей, жена. Места всем хватало.
Потом как-то разладилось. Работаю круглосуточ-

но, телепроекты, командировки, встречи. Понятно, что не все гладко. Бывало, что пациенты в клинике умирали. Следователи, допросы. Одно желание, чтобы дома не доставали, отоспаться. А тут приедешь: надо это, надо то, поехали туда, поехали сюда, — рассказывал Барон.

— Где домашние? Поссорились? — Алкокlinik искусно вел свою линию.

— Они совершенно не понимали цену моего времени! Лезли с глупостями. Жена чуть что сразу устраивала скандал, старшие дети взяли привычку мне дерзить! — начал было оправдываться Барон.

— И ты решил стресс изгонять препаратом? — продолжал Алкокlinik.

— Года три назад один знакомый доктор предложил мне попробовать курс ксенона. Вы не представляете, как он мне помог! В меня будто вдохнули силы! Сначала я принял недельный курс и на третьей процедуре ощутил, как у меня с груди сняли плиту. Поэтому я сделал ксенотерапию частью своей жизни. Если бы этот перец не кинул меня с доставкой ксенона, я был бы сейчас в форме, — объяснял Барон.

— Ну, кто тут кого кинул, это еще вопрос. А ты вообще считал, сколько ты спустил на него денег? — вдруг спросил Алкокlinik.

Барон вздрогнул, посмотрел на Доктора Ака и нервно огрызнулся:

— Тебе какое дело?

— Видишь ли, каждый вид эйфории имеет цену в деньгах. Так сказать, в кайфо-рублях. Вот я и хочу узнать цену ксеноновой эйфории, — спокойно ответил Доктор Ака.

— Не переживай, все покупалось на честно заработанные. А сколько я на это тратил? Хороший вопрос. Может, треть от прибыли. Может, половину... А может и все, что зарабатывал на три месяца вперед, — задумчиво сказал Барон и вдруг, поразмыслив, добавил расстроено: — Господи, сколько же бабла провалилось в эту дыру!

— И что дальше намерен делать? Искать нового поставщика газа? — осведомился я.

— Приду в себя для начала, — нетвердо сказал Барон.

— С семьей давно общался? — сменил вектор вопросов Алкокlinik.

— Жена трубку не берет третий день. Впрочем, если не нравится жить по моим законам — я в этом доме никого не держу! Наверняка, они у тещи сейчас, в Воронеже, — ответил тот, и вдруг с явным раздражением выпалил: — Как деньги мои брат, их не воротит, а как с пониманием отнестись — у них совести не хватает!

— Деньги, деньги, я, я, я, — прищурился на него Алкокlinik.

— Слушай, ты судишь обо мне как обыватель! Ты ни разу не был в моей шкуре! Я публичный человек!

На меня давит огромный груз известности! — про-
рвало Барона.

— Слушай, звезда, тебя когда последний раз при-
глашали на съемки? — продолжил Ака.

— Не твое дело! — сердито бросил Барон.

— Все верно, не мое, а твое. Не я сижу одинокий
в этом пустом доме, а ты! Не я просохатил миллио-
ны, а ты! Не я торчу от газа, а ты! Больше газа —
больше жизни! — сыронизировал Алкокlinik.

Не находя, что ответить, Барон возмущенно вы-
пучил глаза на Доктора Ака. Его затрясло.

— Ладно, хватит, пойдем, поработаем с твоим
психозом, — примирительно сказал Доктор Ака,
поднимая за локоть Барона и увлекая его в сторону
кабинета. Выходя из столовой, он бросил нам с про-
фессором: — Я сам разберусь.

— Вроде бы не наркотик... — пригласил меня
к беседе Петрович, разведя руками.

— **Величайшая хитрость дьявола, что он за-
ставил людей поверить в то, что его не суще-
ствует,** — вступил я в дискуссию. — Профессор!
Вы большой человек в своем деле, но сегодня вы
страшно далеки от практики. Зависимость от эйфо-
рии и есть настоящая беда, и не важно, чем вы-
зываются такие эмоции: наркотики, алкоголь,
адреналин или ксенон! Судя по всему, ваш Барон
последние годы занимался только двумя делами:
как маньяк скупал баллоны с ксеноном и торчал

от него. Чем эта картина отличается от наркомании или запоя?

— Патологическое влечение купируется специфическими препаратами, — вновь попробовал включить логику Евгений Петрович.

— **Жажда эйфории лекарствами не лечится**, дорогой профессор! Это главное, что я понял за последний год своей практики. Снять абстиненцию можно, а что делать с головой? Его лечить надо так же, как алкоголика или наркомана. С той разницей, что нет абстиненции. Читайте, как после недельного детокса. Только вот вопрос: в этом случае как долго и сложно надо будет перепрошивать этот компьютер? — продолжил я размышления. — Уверен, что грядущий век готовит нам много новых гадостей, которые не будут вписываться в каноны наркологии. Игроманы, зависимые от интернета и от порнографии, наконец, этот ксенон... Все это наркотики XXI века.

Где-то далеко слышался рокот голоса Алкоклинника. Он что-то объяснял Барону.

Я потерял счет времени, когда Доктор Ака позвал нас к себе.

В кабинете-спальне уже одетым сидел Барон. Алкоклик складывал в пакет использованные капельницы и упаковки от лекарств. Весело посмотрев на нас, он спросил Барона:

— Ну что, поехали за новой жизнью?

— Только никому ни слова. Я публичный человек и не хочу давать пищу желтой прессе, — на полном серьезе заявил Барон.

Отправив профессора домой на такси, мы втроем поехали в наш двухэтажный храм здоровья. Барон, развалившись, дремал на заднем сиденье рабочей лошадки Алкоклинника. В руке он держал молитвослов.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ ФЕНИКС

Люди должны осознать, что здоровый образ жизни — это личный успех каждого.

Владимир Путин

После встречи с Бароном прошло пять лет. За это время в моей жизни многое изменилось. Я встретил очаровательную девушку, которой предложил руку и сердце. Она подарила мне двух чудесных малышей. Наконец, я отважился и организовал свою наркологическую клинику, назвав ее именем моего друга. Сам же Доктор Ака вот уже пару лет как пропал с моих радаров. Что ж, я привык к его манере исчезать и вновь появляться!

Шаг за шагом дело потихоньку росло, я свыкался с грузом ответственности. Теперь мне приходилось волноваться не только за себя и пациентов, но и за коллектив. Именно в то время я в полной мере оценил, как не хватает мудрых советов моего друга, которому я отдавал должное в остром чутье людей и событий. Без него мне приходилось набивать собственные шишки.

В ресторане на 60-летию нашего дорогого Петровича я в третий раз встретился с Бароном. Поздравив нарядного именинника, я отошел в общий зал. Там среди гостей я увидел внушительную фигуру. Барон поймал мой взгляд, после чего подошел и обнял меня, как старого брата по оружию. Я был удивлен переменам, которые видел.

Клубный пиджак с золотым гербом сменился на скромный полувер, вместо кричащих роскошью крокодиловых башмаков на его ногах тускнели ничем не примечательные черные туфли. Он был облачен в дорогие, но неприметные вещи, среди которых только белая рубашка выдавала в Бароне торжественность момента.

Барон пригласил меня сесть за стол рядом с ним. Мы разговорились. Я отметил несвойственную ему ранее внимательность к собеседнику. Он смотрел мне прямо в глаза и спрашивал, спрашивал, спрашивал. Семья, новое дело, попытки творчества — все мои начинания находили в Бароне искренний, не дежурный интерес. Гремела музыка, многоголовое застолье во всю гудело тостами. Начались танцы. Внезапно Барон предложил:

— Слушай, похоже, им тут и без нас весело. Давай отсидим ненадолго!

Я согласился. Мы уединились в соседнем зале заведения в уютных креслах возле потрескивающего дровами камина.

— Ты сам-то как? Долго ведь не виделись, — поинтересовался я.

Барон смущенно улыбнулся и, глядя на языки пламени, ответил:

— Сложно сказать, мой друг. Пытаюсь жить как человек.

— Расскажешь свою историю? — попросил я.

— Охотно. На самом деле о том, что я тогда погибал, знали многие, но кроме тебя, Петровича и Алкоклинника на помощь не пришел никто. Поверь мне, я благодарен за это, — он сделал паузу, как бы набираясь духу, после чего начал свою исповедь:

— Не знаю, в кого я такой вырос. Может это все отголоски бедности. Из нищего детства я лучше всего помню отцовские пьяные загулы, из-за которых мне до сих пор органически претит алкоголь. Детская психика требовала защиты и находила ее в настырном нахальстве. Во дворе ребята меня часто били за неудержимое фантазерство и заносчивость. А мне все равно хотелось быть королем, сверкать, привлекая всеобщее внимание и восторг!

В школе я быстро схватывал предмет и мне не нужно было зубрить, чтобы ответить на отлично. Чуть хуже дела обстояли с математикой, но и там оценок ниже «четверки» я никогда не получал. Самыми любимыми уроками были, конечно, занятия по литературе и русскому языку. Сочинения, вот что давалось мне лучше других. Откровенно ска-

зять, я не пользовался уважением одноклассников. После нескольких стычек они презирали меня, а я не замечал их. Наверное, виной всему моя излишняя эгоцентричность. Но я представлял школу на разных конкурсах и олимпиадах. Добывал грамоты и дипломы, за что учителя меня хвалили. Помню, как однажды я подслушал диалог завуча с нашим классным руководителем. Они обсуждали, кого отправить на очередной городской конкурс, намеченный за день до областной олимпиады. Классная говорила, что я не смогу туда пойти, так как должен буду готовиться. На это завуч ответила что-то вроде: «Даже не думай! Справится. Кого мы туда еще пошлем? Других таких талантов у нас нет».

Так я познал сладкий вкус собственной исключительности.

Потом был мединститут, который я окончил с отличием. Хотелось быстро стать богатым и знаменитым. Тогда уже началась эпоха платной медицины и я убедил себя в том, что самая денежная работа — это дерматовенерология. Получил эту специальность. Но через пару лет я осознал, что настоящие деньги и слава водятся только в неотложной медицине. Дальше все как по рельсам. Переучился на нарколога. Годик потрудился в частной клинике. За это время я сблизился с несколькими состоятельными клиентами из «новых русских» и сумел убедить их дать мне займы на бизнес.

Деньги и времена были лихие, но именно они позволили купить особняк под клинику в центре Москвы, привлечь известных пациентов, заполучить приглашения в разные телешоу. Им нравилось мое умение вести себя в кадре, а меня распаляло ощущение собственной знаменитости.

— Тебе ведь было трудно все это тянуть? — перебил я монолог Барона.

— Очень трудно, но спасала молодость и неумные амбиции. Казалось, я готов перевернуть мир в погоне за богатством и славой. Хотелось стать по-настоящему влиятельным человеком. Приходилось много работать. Я спал по пять часов в сутки, а днями крутился, как заведенный. Мне казалось, что я самый удачливый и работоспособный человек на свете. На самом деле я был фальшивым созданием, сотканным из большой и малой лжи. И меня окружали примерно такие же личности. Больных я уверял, что надо больше платить, чтобы как можно быстрее поправиться, хотя прекрасно понимал, что не даю им ничего, кроме красивых иллюзий. Коллегам я обещал карьерный рост, хотя знал, что за год выжму их и выкину, как использованный материал. Ну и все такое.

— Подобное притягивает подобное, — заметил я.

— За исключением семьи. Я выбрал свою жену как полную противоположность этому обману. Я лгал ей, наверное, потому что **ложь стала образом моей**

жизни, и вести себя по-другому я уже не мог. Ты бы знал, как часто я изменял ей, сколько было лжи в том, что говорил ей и что обещал. На самом деле она — святая женщина, спасибо ей за детей.

— Модус вивенди, образ жизни, — прокомментировал я.

— Точно! Но я понимал границу между истиной и враньем. Это была ложь, так сказать, вовне. Затем к ней прибавилась ложь самому себе.

— Ты говоришь о зависимости? — уточнил я.

— Да. Я очень много времени тратил на свой бизнес и свой пиар. Практически сутками. Наградой этому я считал удовольствие от денег и публичности. Но тогда я не знал, что есть гораздо более сильные ощущения. Евгений Петрович рассказывал тебе, что давным-давно один мой доктор предложил мне попробовать ксенон как средство для восстановления сил. Ты знаешь, как я отношусь к любому допингу. Честно сказать, я согласился только потому, что хотел понять, смогу ли я продать эти процедуры своим клиентам. Так сказать, попробовать на себе. Но то, что я ощутил, ошеломило меня. Я сделал ксенон частью своей жизни. Я убеждал в его полезности не только себя, но и клиентов. И мне верили. Я умел говорить. Постепенно мои карманы набухли от этих продаж. Я не работал с нищетой, и мои пациенты за свои деньги хотели особого лечения. И я давал им его.

— И как ты объяснял себе свою зависимость? — спросил я.

— Как и все люди. Обстоятельствами. Шли годы, и хотя я не расставался с темными баллонами, но соблюдал, если так можно сказать, меру. Эффекты действия газа и эйфория раз за разом заставляли отрицать болезнь. Я убеждал себя в том, что просто стимулирую жизненные силы организма, что я могу бросить употребление ксенона сразу же, как только посчитаю это нужным. Я врал себе, что сейчас прекращать дышать газом нельзя, поскольку он поддерживает меня в трудный период моей жизни.

— Ты говорил себе, что обладаешь огромной силой воли и способен поставить точку в любой миг, — добавил я.

— Верно. Все так и было. Тем временем допинг стал неотъемлемой частью моей жизни. Я перестал быть трудоголиком, но обрел новую зависимость. Со временем эффект употребления ксенона становился менее выраженным, в связи с чем я увеличивал длительность процедур. Мне стало недоставать чувства бодрости, вместо того мне хотелось ощущать ядерную эйфорию. И я ее получил.

За пару недель до нашей последней встречи я перевез оборудование к себе домой. Туда же заказал чудовищный объем газа, наврав поставщику, что буду лечить в домашних условиях особых пациентов. И понеслось.

За эти дни я вдохнул полторы тысячи литров ксенона. Это бесконечно много. Я понимал, что один и могу задохнуться во сне, поэтому дышал, не одевая маску, а прижимая ее к лицу рукой. Когда я засыпал, то маска падала и я оказывался в безопасности. Каких только видений я не увидел тогда. Сначала зрительные галлюцинации перенесли меня в мир моих грез, где я повелевал вселенной, был королем и господином. Затем мне чудились ужасные чудовища, от которых я в истерике отбивался. Потом ксенон закончился.

Я понял, что за эти дни куража семья в ужасе сбежала к родным. Мне рассказали про мою безобразную драку с врачом и охраной, попытавшись забрать у меня дыхательный контур. Мой поставщик газа послал меня к лешему, когда я позвонил ему с требованием очередной поставки ксенона. Ночь прошла в кошмарах.

Утром на следующий день в отчаянии я набрал номер Петровича и все ему рассказал. Затем приехали вы и отвезли меня в реабилитационный центр.

— С этого момента началось твое возрождение? — спросил я.

— Нет. К тому времени я разучился жить по-человечески. После того ксенонового фейерверка мозг отказывался восстанавливаться, меня накрыла депрессия, я потерял воспоминания о радости и счастье.

— И ты ушел из рехаба искать отдушину?

— О да. Через несколько недель я почувствовал себя лучше. Ко мне вернулась похоть и запойный трудоголизм. Воистину говорят, **что если ты сумел изгнать одного демона, то они возвращаются к тебе всемером.** Когда я уходил, Ака сказал, что я вернусь, но в гораздо худшем состоянии.

Все так и произошло. Сначала я кинулся в океан разврата. Не имея времени и желания искать новые отношения, я таскался по стрип-клубам столицы и близлежащих городов, чтобы покупать любовь и быть ненасытным. Я перебирал женщин, каждый раз рискуя чем-то заразиться, но не получал ни малейшего удовлетворения. Все это я сопровождал обжорством. Это ужасное ощущение, когда организм не хочет, а мозг требует продолжения процесса!

— Ты хочешь сказать, что пребывал в таком состоянии, когда ничто не могло доставить тебе удовлетворения?

— Да, если даже организм не принимал что-то, то мозг требовал большего. Это адские муки. Каждый день я просыпался, чтобы с маниакальным упорством продолжить безумие, которое творил накануне.

Однажды после очередной оргии меня настигло ощущение дна. Я понял, что умираю, что моя жизнь уходит сквозь пальцы, как песок. Мне стало страшно. Я захотел жить. Тогда я позвонил Алкоклиннику.

Тебе очень повезло с другом. Второго такого человека я не встречал.

Барон помолчал, затем продолжил:

— Прошло несколько лет. Сейчас я только в начале формирования настоящих, истинных ценностей. Я знаю, что впереди меня ждет нелегкий путь. Я готов к этому. Недавно мне открылось, что выздоровление для меня — не результат, а процесс. Это важное откровение. И большой вопрос, суждено ли мне пройти этот путь. Как врач я понял, что исцелиться от зависимости в том смысле, как мы поправляемся после простуды, невозможно. Каждый день, когда я просыпаюсь, я говорю себе, что только сегодня я останусь чистым, я буду жить в соответствии со своими духовными принципами, то есть быть честным, открытым, самокритичным и готовым к личностному росту и развитию. Так я даю себе установку на обретение гармонии и добра. В этой медитации заложен глубокий смысл, поскольку только сегодня можно бороться со своими вредными привычками. Вчера или завтра с ними бороться глупо! Так **маленькими шажками я веду непрерывную работу над собой.**

— Дружище, когда-то ты публично сказал про своих пациентов, что они самоликвидаторы, что они избрали свою дорожку к смерти, что не врачам решать за них, что их польза только в том, что они платят. Ты поменял свое мнение? — искренне спросил я Барона.

— Сразу же после того, как осознал себя больным. Мне стыдно за эти слова, поверь. И я не снимаю с себя ответственности за то, что их сказал, хотя и был при этом немного безумным, — грустно усмехнулся Барон. — И я благодарен Доктору Ака, что он дал мне это понимание. По большому счету, каждому из нас нужно избавляться от собственных демонов. У меня их тоже хватает. А на этом пути нас всех ежедневно поджидают опасности и соблазны.

— Скажу тебе откровенно, что твой утренний обет мало чем отличается от моего, хотя формально я здоров, — признался я.

Барон с удивлением посмотрел на меня, а я продолжил:

— Много работаю, стараюсь быть полезным своим пациентам, но при этом знаю, как опасен трудоголизм. Такое тоннельное созерцание жизни ведет к выгоранию человека и к отказу от прививаемых себе ценностей. Иными словами, если я не буду соблюдать меру, то в один день сорвусь.

— Верно, мы все похожи на канатоходцев, баланс для которых — залог жизни. И если я сорвусь, то это пике будет для меня последним, — задумчиво согласился Барон, добавив: — Мне кажется, что я прошел все круги ада. И на этом пути я понял главное: справиться одному с зависимостью невозможно! Это во все не слабость, просто для наших сил есть пределы.

Знаешь, как помог мне Алкокlinik, когда я считал, что для меня все закончено?

— Как?

— Мы встретились, он посмотрел на меня и от-
вел на группу. Я был изгой, а там были люди, все
смеялись и пили чай. До того, как я сказал первое
слово, я почувствовал себя совсем по-другому, мне
стало гораздо легче. Я научился говорить на груп-
пе, делиться и быть честным. Теперь я понимаю,
что только искренность дарит мне истинную ра-
дость быть человеком.

Барон долго молчал, потом посмотрел мне
в глаза и сказал:

— Я расширил профиль клиники. Теперь там нет
ксенона, а мы помогаем не только элитам. На базе
бывшего санатория в области мы построили боль-
шой реабилитационный центр. Там есть место всем.
И хотя богачи и простые бедолаги живут в разных
условиях, исцеляются они вместе.

Банкет уже закончился, гости и именинник раз-
брелись по домам, а мы еще долго сидели с Бароном,
с наслаждением смакуя радость общения единомыш-
ленников. На прощание мы обменялись контактами
и дали друг другу обещание встретиться вновь.

Разгоряченный, я вышел на улицу, моросил до-
ждик. Напевая песню Визбора, я пошагал домой. Все
еще у нас впереди!

ИСТОРИЯ ОДИННАДЦАТАЯ ДЕНЬГИ И СЧАСТЬЕ

И на что имение человеку недоброжелательному? Кто собирает, отнимая у души своей, тот собирает для других, и благами его будут пресыщаться другие.

Ветхий Завет. Сир.14:3-4

К сожалению, я не могу позволить себе долгий отпуск. Те времена, когда я был молодым, свободным от семейных уз, давно прошли. Теперь как зрелый человек я наделен большой ответственностью. Пациенты, сотрудники, семья — все это требует неотрывного внимания и времени. Штука в том, что в сутках лишь двадцать четыре часа. И оказалось, что поделить их между сном и явью — сложная задача.

Допустим, семь часов я отдаю сну. Без полноценного отдыха человек не может нормально жить. Из оставшихся — десять я отвожу клинике. Теперь задача — правильно нарезать на кусочки семичасовой хвостик! Казалось бы, священную семерку не трудно разобрать на отдых, чтение и ужин с семьей! А вот поди ж ты! Сколько не пробовал, у меня

никогда не получалось. Тут или укради у работы, или у детей. А **нарушение баланса всегда чревато усугублением проблемы**. Единственный способ, который я обнаружил, чтобы прервать суету — это уехать в отпуск! И желательно, подальше от дома.

Внезапно образовалась поездка в жаркие азиатские тропики. Я купил горящую путевку со сроком вылета через день. И вот, наспех собрав чемоданы, ранним утром вся моя семья уже устремилась к морю. Шли дни. Экзотика с головой увлекла моих домочадцев, в то время как я, бывалый *фаранг*, будил в себе почти забытые с холостяцких времен ощущения *сабая*. Мне хотелось позабытого адреналина. Супруга не возражала против моего желания уехать на дайвинг, но пожелала остаться в отеле, сетуя на малышей, которым было бы некомфортно целый день болтаться на волнах. Быстро собравшись, я поехал на встречу с океанской бездной.

В дайвинг-клубе пожилой инструктор, услышав мой русский акцент, сердито спросил: «Хау лонг ю дринк водка?». Я, посмеявшись, ответил: «Ноу дринк водка!», после чего услышал за спиной громкое: «Не верьте этому проходимцу! Тот еще алкаш!». Конечно, это был мой старый друг Ака. Бронзовый от загара, он весело смотрел на меня. Рельефные мышцы облегали легкая футболка и шорты. Он почти не изменился с нашей последней встречи. Только голова стала совсем седой.

Тепло поприветствовав друг друга, мы, не сговариваясь, вышли из клуба и направились в ближайшее кафе. Дорогой я пытал его вопросами:

— Слушай, никак не думал тебя тут встретить. Живешь теперь как белый человек среди туземцев?

— Ага, завел гарем на сорок жен, но иногда бегая от семейных обязанностей окунуться в морскую пучину, — невозмутимо поддержал мою подначку Алкокликник.

— Я страшно рад тебя видеть. Позволь, дорогой, угостить обедом, — предложил я.

— Ну если ты настаиваешь... Но по законам гостеприимства платит все равно белый господин! — шутливо ответил мне Ака.

— Разберемся! — отрезал я, пропуская Алкокликника в дверь заведения.

Не торопясь закусив местными морепродуктами, мы разговорились. Я поведал ему об изменениях в своей жизни, а он рассказал мне, что почти три года живет у моря, работая в местном реабилитационном центре. Я слышал, что некоторые наши пациенты пробовали лечить зависимость в экзотических странах, но сам никогда не был в таких заведениях и ничего не знал об их работе. Доктор Ака обстоятельно ответил на все мои вопросы. С его слов стало понятно, что это заведение объединяет почти три десятка пациентов со всего света. Все они — наши соотечественники. Следуя программе «Двенадцать

шагов», выздоравливающие живут в отдельном комплексе на берегу океана, питаются свежими овощами, фруктами и дарами моря. В рехабе работает бассейн, спортивный зал и морская экоферма. Алкокlinik поделился, что вечное лето и океан весьма благотворно действуют на истерзанных зависимостью людей, что позволяет достигать вполне неплохих результатов.

— Слушай, получается, что твои пациенты весьма обеспеченные люди, если могут позволить себе такую реабилитацию, — отметил я.

— Да уж, здоровье не для бедных, — парировал Алкокlinik. — Но если серьезно, то скажи, кого ты считаешь обеспеченным человеком?

— Наверное, того, кто может оплатить годовое лечение в твоём центре. Сколько это стоит? Пять, восемь, десять тысяч вечнозеленых в месяц? — предположил я.

— Для кого как. Есть те, кто платит пятнадцать, а есть такие, с кого мы не берем ни цента, — пояснил Ака.

— Как так? — не понял я.

— Пойдем прогуляемся, я тебе объясню, — предложил Алкокlinik.

Незаметно от меня оплатив счет, Алкокlinik вышел из рестораничка. Я в недоумении догнал его на вечерней набережной. За променадом Доктор Ака продолжил свой рассказ:

— Не буду скрывать, я давно хотел поменять промозглый климат на тропики. Сначала год скитался по Южной Америке, затем перебрался сюда. Совсем не от нужды, но передо мной встал вопрос работы. Я не хотел закончиться как врач. Что же было делать, когда медицинская практика тут для иностранца практически запрещена, а заниматься любимым делом очень хотелось? Выход нашелся быстро. Я выкупил старенький отель недалеко от города и организовал этот реабилитационный центр. Команду собрал с помощью живущих тут земляков. Из местных у нас работают врачи, а остальной персонал — такие же *фаранги*, как и я. Съехались со всей планеты советские шведы, финны, французы и прочие немцы. За год мне удалось объединить коллектив единой целью, привить главные принципы, снять ментальные барьеры. Мы вместе живем и работаем, говорим на одном языке. В каком-то смысле мы семья.

— А пациенты? — спросил я.

— Мы принимаем почти всех на лечение, но сильно не держим никого. Ты спрашивал про деньги. Так вот, конечно, у нас есть ориентировочные расценки. Но это не догма. За долгие годы работы я понял, что отношение человека к деньгам во многом идентифицирует его психическое здоровье. **Жадный человек не может быть здоровым, поскольку жадность — это гипертрофированный**

инстинкт самосохранения, что категорически противоречит стремлению пациента к взаимопомощи. То есть жадность нарушает баланс, — продолжил Ака.

— А что ты называешь жадностью? — уточнил я.

— Понимаешь, жадность отличается от уважительного отношения к ресурсам тем, что жадина категорически не желает отдавать то, что ему реально не требуется. При этом он не становится счастливей. На деле жадина страдает. В то же время человек щедрый испытывает удовольствие, когда делится. Скажу больше, жертвенность — это не форма мазохизма, а осознание своей возможности дать окружающим что-то действительно важное для них. И речь не всегда идет о деньгах. Не меньшее значение имеет личное время. Во сколько ты ценишь свое личное время? — задал вопрос Алкокlinik.

Я вспомнил, как однажды в студенчестве попал в переплет. Глупая неосторожность повлекла автомобильную аварию. Иными словами, я разбил чужой автомобиль, и эту ситуацию нужно было во что бы то ни стало решить. В семье деньги не водились, а знакомые, к которым я обратился, лишь развели руками. Как давать большие суммы человеку, который их не зарабатывает? Тогда я был в отчаянии! Единственным неравнодушным к моей беде оказался Алкокlinik. Узнав о проблеме, он сам предложил мне помощь, пихнув в руки па-

кет с купюрами. Без расписки и обещаний возврата. Я не спросил его, как он добыл эти деньги, какой ценой они дались ему. Просто взял с благодарностью. Потом Алкокликник помог устроиться мне, студенту, на подработку. Ночами я таскал мешки, а днями силится учиться. Я выдержал эти испытания, потому что у меня была цель — отдать долг. Конечно, со временем я вернул ему все до копейки, хотя Ака ни разу не напомнил мне о деньгах. Но это было больше, чем ссуда. Это было проверкой на человеческие качества. Тогда я зауважал своего друга еще сильнее. Надеюсь, это было взаимно.

А что я, в сущности, знал об этом человеке? Казалось бы, совсем ничего. Я не был у него дома, он не знакомил меня со своей девушкой, мне не было известно, как и чем он зарабатывает на жизнь. Но на самом деле я знал достаточно, чтобы называть Алкокликника другом — **он был настоящим. Человеком из мира поступков, а не жестов. Из мира дел, а не слов.** Вот и сейчас, слушая Ака, я кожей ощущал крепость его плеча, непоколебимость воли. И на вопрос о ценности времени я искренне ответил:

— Ты сам меня учил, что время человека бесценно.

— В точку! Время нельзя купить или вернуть ни за деньги, ни за золото. Поэтому от некоторых наших пациентов мы принимаем вклад в виде рабо-

ты на экоферме, а кто-то из них старается на уборке помещений и территории. Еще есть такие, которые платят деньгами не только за себя, но и за соседа. Потому что у всех одна миссия — идти по пути выздоровления. И дорога эта проходит в голове и сердце каждого пациента, — продолжил рассказывать Ака. — Коллектив — великая сила, которая объединяет людей разной ментальности, разных социальных групп и разного достатка. Перед болезнью все равны. Если пациент открыт душой к воскрешению в себе человека, то у нас ему протянут сотни рук. Есть только одно условие — он должен протянуть свои руки в ответ.

— Я благодарен тебе, друг, за то, что ты смог заставить меня открыть глаза на профессию. Ты научил меня тому, что не написано в книгах. И я понимаю цену этому знанию. Ты заплатил за него здоровьем, а я получил бесплатно, — поблагодарил я Доктора Ака.

Прощаясь с заходящим солнцем, мы подошли к линии прибоя. С моря дул теплый ветер. Алкокликник произнес:

— Сегодня я прожил еще один день согласно своим духовным принципам. Я не соблазнился по добрать костыли, не обманул никого, не отказал никому в помощи. Значит, я провел еще один день человеком. Завтра я продолжу этот путь дальше.

Мы долго молчали, глядя в темнеющий горизонт, слушая шелест прибоя. Каждый думал о сво-

ем. Когда совсем стемнело, Алкоклик повернулся ко мне и сказал:

— Пора прощаться, друг. Я искренне рад тебя видеть, но меня ждет миссия, а тебя — семья и отдых. Не держи обид ни за что и знай, что если я буду тебе очень нужен, то я вновь появлюсь в твоей жизни. Тогда, когда ты совсем не будешь меня ждать! Прощай!

Силуэт моего друга пропал в темноте переулка, а я пошагал к своим.

Звездное небо, теплый бриз и шум прибоя заставляли меня ощущать себя частичкой Вселенной. Мне думалось, что жизнь слишком коротка, что-

бы тратить ее на иллюзии. Сколько отмерено мне? Вспомнилась молитва о душевном покое, которой заканчивают свои собрания анонимные алкоголики и наркоманы.

Боже!

*Дай мне разум и душевный покой,
Принять то, что я не в силах изменить,
Мужество изменить то, что могу, и
Мудрость отличить одно от другого.*

Пришло осознание того, что миссия Доктора Ака — это и есть моя миссия и мой путь. Руководствуясь принципом гуманности, я буду нести ее до конца своих дней. Делитесь и дастся вам! Да не оскудеет рука дающего.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Не скрою, эта книга — мой первый литературный опыт. Никогда не думал, что писать так трудно. Ночами и днями с чудовищным напряжением я ловил вдохновение, чтобы собрать в рукопись кусочки своего пути. Надеюсь, вам было интересно и поучительно.

Работая над текстом, я многое понял и переоценил. Главное богатство в нашей жизни — это люди, которые нас окружают. В суете событий, поглощенные своими страстями, мы часто не отдаем близким должного. Мы тратим время на другое. По ходу повествования перед глазами встали образы дорогих мне людей — персонажей произведения. Многих из них уже нет на этом свете. Я рад, что они жили не только в моей памяти, но и на страницах этой книги.

Стараясь рассказать вам, как было на самом деле, я не слукавил ни в характерах действующих лиц, ни в существовании их диалогов. Пускай это не добавило остроты повествованию, но я посчитал, что так проще и правильнее.

И если эту книгу будет читать мой старый друг Алкокклиник, то пусть знает, что, простившись с ним на берегу восточного рая, я крепко запомнил его обещание вернуться, когда мне будет совсем не-

вмоготу. Но как бы мне не хотелось этой встречи, я постараюсь быть сильнее и осмотрительнее. Верю в судьбу, если нам предписано увидеться вновь, то это обязательно случится!

И я об этом непременно напишу.

*С пожеланиями духовного роста,
самосовершенствования
и обретения добра,*

Владимир Захаров

Для Заметок

Для Заметок

Для Заметок

Владимир Захаров

АЛКОКЛИНИК
правда и только правда

Макет, компьютерная верстка Т.Ю.Холина
Дизайн обложки Т.Ю.Холина
Редактор, корректор Е.С.Суркова
Художник М.А.Аксенова
Стенография Раш Тор

Подписано в печать 27.11.2023
Формат 148×210
Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура PT Serif
Объем 136 стр. Тираж 216. Заказ 1172

Типография Five Print
111399, Москва,
ул. Мартеновская, д. 13, кв. 36
+7 (495) 943-31-85
<https://fivep.ru>

Об авторе:

Владимир Захаров — российский психиатр-нарколог, меценат, организатор медицинской деятельности, выпускник Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова (Сеченовского университета) — старейшего отечественного медицинского учебного заведения. В 2006 году основал в Москве свою первую частную наркологическую клинику. Ежегодно сеть лечебных учреждений «Алкоклиник» помогает более чем тридцати тысячам пациентов.

Аудиоспектакль ПО МОТИВАМ КНИГИ:

ISBN 978-5-6051111-0-8

9 785605 111108 >